

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (28) 2015

www.theoreticaleconomy.info

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-42625 от 11 ноября 2010 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Первый заместитель главного редактора

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алексеева Н.А. (Ярославль, Россия)

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушев Д.С. (Архангельск, Россия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Кальсин А.Е. (Ярославль, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Ответственный секретарь

Ананьев А.А. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.info

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Новиков А.И. (Иваново, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Туманов Д.В. (Ярославль, Россия)

Усик Н.И. (Санкт-Петербург, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Содержание

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Актуальность ещё одного шага в развитии теоретической экономики 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев В.А. К развитию современной России (члены редколлегии нашего журнала на конференции в Финансовом университете при Правительстве РФ) 8

Андреев Ю.Н. Совместимость эксплуатации и социального партнерства в России 16

Фельдблюм В.Ш. Междисциплинарная общеэкономическая теория и Карл Маркс 25

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Голиков И.В., Гордеев В.А. О новой химической стратегии РФ как важнейшей составляющей неоиндустриализации 32

Смолякова М.К., Сухов В.Д. Особенности анализа сценариев инвестиционного проекта в условиях существенного колебания внешних параметров 41

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Гордеев В.А., Кладова А.А. Модификация конкурентной среды банковского рынка в Российской Федерации 49

РЕЦЕНЗИИ

Чекмарев В.В. Читать, а не чтить! 58

Кольцова А.В. Рецензия на монографию М.И. Беркович и Н.И. Антипиной «Институциональное обеспечение инновационной деятельности на мезоэкономическом уровне: структурно-оценочный аспект» 63

Гордеев В.А. Отзыв-впечатление о статье Л.С. Шаховской и К.Р. Сулеймановой о регулировании предпринимательской деятельности в условиях современной России 67

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Субетто А.И. М.И. Скаржинский как «зеркало» трагедии отечественной экономической науки в пространстве рыночно-капиталистического реванша 71

АКТУАЛЬНОСТЬ ЕЩЁ ОДНОГО ШАГА В РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии *Metaepistemia Universum*
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Поздравляем Вас с наступлением центрального летнего месяца, желаем Вам доброго здоровья, хорошего летнего отдыха и новых творческих удач! Предлагаем Вашему вниманию очередной – четвертый (двадцать восьмой) – номер, который вышел в Интернет утром 1 июля, и рассчитываем на продолжение нашей взаимной работы над освоением и развитием теоретической экономики, на актуализацию которой и направлено содержание данного номера.

И прежде всего, обращаем Ваше внимание, уважаемый читатель, на первую и главную рубрику – «Актуальные проблемы теоретической экономики». Здесь опубликовано три работы. Первую из них подготовил Ваш покорный слуга, главный редактор нашего журнала. Её название – «К развитию современной России (члены редколлегии нашего журнала на конференции в Финансовом университете при Правительстве РФ)». Как видно из названия, данная статья посвящена оценке участия членов редколлегии журнала «Теоретическая экономика» в Международной научной конференции по проблемам развития современной России, состоявшейся 4 марта 2015 года в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, краткую информацию о которой мы публиковали в предыдущем номере [1]. В предлагаемой Вашему вниманию работе кратко характеризуется содержание докладов Н.К. Водомерова, Н.И. Усик, В.А. Гордеева и С.В. Шкиотова, В.В. Чекмарева, М.Л. Альпидовской и В.И. Корнякова, Л.А. Карасевой. Дана оценка вкладу указанных работ в развитие и актуализацию теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима. Показана практическая значимость предложений названных докладчиков в развитии современной России. Особое внимание обращено на обоснование докладчиками новой индустриализации как главного фактора повышения конкурентоспособности национальной экономики РФ.

Следующий материал в эту рубрику под названием «Совместимость эксплуатации и социального партнерства в России» подготовил Андреев Юрий Николаевич, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Центра мониторинга инновационной деятельности ФГБНУ НИИ «Республиканский научно-исследовательский и консультационный центр экспертизы» (г. Москва, Российская Федерация). Читатель, надеюсь, помнит данного автора по его предыдущей публикации в нашем журнале [2]. В новой статье Ю.Н. Андреева рассматривается вопрос о существовании и проявлениях эксплуатации в современной России. Уточняется понятие эксплуатации, анализируется роль государства как участника трудовых отношений.

Автор анализирует проблему совместимости эксплуатации с социальным партнерством, обеспечение которого необходимо для перехода к инновационному развитию общества. Показана тенденция развития коллективных форм эксплуатации. Рассмотрено место государства в трудовых отношениях.

Завершается рубрика «Актуальные проблемы теоретической экономики» статьей по теме «Междисциплинарная общеэкономическая теория и Карл Маркс», которую представил Фельдблюм Владислав Шуневич, доктор химических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет». В этой статье рассматривается экономическое учение Карла Маркса в свете междисциплинарной общеэкономической теории, созданной В.Ш. Фельдблюмом. Изложены принципы и подходы этой теории к анализу общественного производства как сложной динамической системы с прямыми и обратными связями, что потребовало для понимания её привлечения современных достижений на стыке естествознания, математики и гуманитарных наук. Новая теория подчеркивает непреходящую научную ценность открытого Марксом закона соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил. В то же время отмечается, что революционное содержание марксизма постепенно утрачивает историческое значение. Делается вывод, что наиболее важным и ценным в экономической теории Маркса следует считать уникально строгую и точную формулировку понятия «труд», данную в первом томе «Капитала». Именно эта формулировка послужила основой разработки междисциплинарной общеэкономической теории. С позиций новой теории рассматриваются важнейшие тенденции и противоречия развития России в современном мире.

В рубрике «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» Вашему вниманию предлагается два материала. Первый из них по теме «О новой химической стратегии РФ как важнейшей составляющей неоиндустриализации» представили Голиков Игорь Витальевич, доктор химических наук, профессор, проректор по научной работе ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация) и Гордеев Валерий Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления и главный редактор журнала «Теоретическая экономика» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). Данная статья посвящена анализу новой химической стратегии РФ, разработанной В.В. Бабкиным и Д.Д. Успенским [3] и обсужденной на научном семинаре в Ярославском государственном техническом университете. Рассмотрены основные цели стратегии: достижение высоких переделов сырья, кластеризация разобщенных химических предприятий, химизация российской экономики. Поддержаны предложения разработчиков стратегии: 1) о новом размещении производительных сил – строительстве припортовых заводов, где граница спроса и предложения локализована в одной точке; 2) о прекращении экспорта минеральных удобрений в пользу применения их на полях России и импортозамещении продовольствия. Показано, что химическая стратегия – важнейшая составная часть новой индустриализации в РФ. Обоснована необходимость смены курса макроэкономической политики, пересмотра итогов грабительской приватизации 1990-х годов и использования централизованного планирования как факторов реализации химической стратегии и в целом новой индустриализации.

Затем в этой же рубрике публикуется статья по теме «Особенности анализа сценариев инвестиционного проекта в условиях существенного колебания внешних параметров». Её подготовили Смолякова Мария Константиновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных технологий в управлении ФГБОУ ДПО «Государственная академия промышленного менеджмента имени Н.П. Пастухова»(г. Ярославль), начальник отдела финансового и инвестиционного анализа «Агентство «МАРКЕТ ГАЙД», (г. Москва) и Сухов Владимир Дмитриевич, кандидат химических наук, профессор, зав.кафедрой управления предприятием, проректор ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет»

(г. Ярославль). В их работе рассматриваются особенности анализа сценариев инвестиционных проектов в периоды, характеризующиеся высоким уровнем неопределенности внешней среды. Авторы обращают внимание на то, что в данных условиях, с одной стороны, возрастает роль методов экспертных оценок как инструментов экономического прогнозирования развития предприятия, но, с другой стороны, в долгосрочном периоде достоверность прогнозирования значительно снижается. Быстрые темпы изменений не позволяют с высокой точностью прогнозировать будущее и даже опытные эксперты затрудняются производить оценку вероятностей того или иного сценария. В результате это приводит к необходимости более широкого ветвления дерева сценариев и увеличивает объемы предварительных аналитических процедур. В статье приведены практические рекомендации по выявлению сценарных условий и дальнейшей работе со сценариями в условиях существенного колебания внешних параметров.

В следующей рубрике «Творчество молодых исследователей» представлена работа по теме «Модификация конкурентной среды банковского рынка в Российской Федерации». Её мы подготовили для Вас в соавторстве с Кладовой Анной Анатольевной, соискателем ученой степени кандидата экономических наук с кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). Наша статья освещает необходимость системного подхода к определению сущности и структуры конкурентной среды рынка. Представлен обзор подходов к определению конкурентной среды рынка, на основе которого сформулировано авторское определение сущности и структуры данной категории. Выделены ключевые аспекты модификации конкурентной среды российского рынка банковских услуг. Читатель уже знаком с нашей совместной публикацией с соискательницей А.А. Кладовой в предыдущем номере нашего журнала о модификации конкуренции в РФ в условиях экономических санкций Запада (на примере банковской отрасли) [4]. А данная наша работа представляет собой продолжение и углубление предыдущего исследования.

В рубрике «Рецензии» предлагаются три работы. Во-первых, рецензия на книгу А.И. Субетто «Системогенетика и тектология А.А. Богданова в контексте кризиса истории», названная самим рецензентом весьма символично: «Читать, а не чтить!». Автором рецензии выступил Чекмарев Василий Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова», действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания, член редколлегии журнала «Теоретическая экономика», Заслуженный деятель науки РФ (г. Кострома, Российская Федерация).

Вторая работа данной рубрики имеет название «Рецензия на монографию М.И. Беркович и Н.И. Антипиной «Институциональное обеспечение инновационной деятельности на мезоэкономическом уровне: структурно-оценочный аспект». Её подготовила Кольцова Алла Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет» (г. Ярославль, Российская Федерация).

Завершает данную рубрику мой отзыв-впечатление о статье Л.С. Шаховской и К.Р. Сулеймановой о регулировании предпринимательской деятельности в условиях современной России, опубликованная в «Известиях Волгоградского государственного технического университета».

В рубрике «Памяти ученого» помещен материал под названием «М.И. Скаржинский как «зеркало» трагедии отечественной экономической науки в пространстве рыночно-капиталистического реванша». Его автор – Субетто Александр Иванович – размышляет о творчестве Матвея Исааковича Скаржинского, создателя научной школы экономистов в Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова, который ушел из жизни пять лет назад и которому бы сейчас было 90 лет.

Таково содержание очередного номера нашего журнала, предлагаемого Вашему вниманию.

В заключение позвольте от имени редакционной коллегии высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением,

В.А. Гордеев

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев В.А. Рецензия на книгу Субетто А.И. Законы социально-экономического развития России как самостоятельной цивилизации (в контексте закона гетерогенности мировой экономики) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
2. Альпидовская М.Л. Информация о проведенной конференции в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
3. Андреев Ю.Н. Экономика знаний и ее хозяйственный порядок [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
4. Бабкин В.В. Новая стратегия: Химия 2030. Высокие переделы сырья. Кластеризация. Химизация индустрии РФ / В.В. Бабкин, Д.Д. Успенский – М.: Издательство «Лица», 2015. – 222 с.
5. Гордеев В.А., Кладова А.А. модификация конкуренции в РФ в условиях экономических санкций Запада (на примере банковской отрасли) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>

К РАЗВИТИЮ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ НАШЕГО ЖУРНАЛА НА КОНФЕРЕНЦИИ В ФИНАНСОВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ)

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена оценке участия членов редколлегии журнала «Теоретическая экономика» в Международной научной конференции по проблемам развития современной России, состоявшейся 4 марта 2015 года в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации. Автор кратко характеризует содержание докладов Н.К. Водомерова, Н.И. Усик, В.А. Гордеева и С.В. Шкиотова, В.В. Чекмарева, М.Л. Альпидовской и В.И. Корнякова, Л.А. Карасевой. Дана оценка вкладу указанных работ в развитие теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима. Показана практическая значимость предложений названных докладчиков в развитии современной России. Особое внимание обращено на обоснование докладчиками новой индустриализации как главного фактора повышения конкурентоспособности национальной экономики РФ.

Ключевые слова: конференция; доклады членов редколлегии журнала «Теоретическая экономика»; развитие современной России; развитие теоретической экономики; новая индустриализация

Код УДК: 330.88

Annotation. Article is devoted to an assessment of participation of associate editors of the Theoretical Economy magazine in the International scientific conference on problems of development of modern Russia which took place on March 4, 2015 in Financial University under the Government of the Russian Federation. The author briefly characterizes contents of reports of N.K. Vodomerov, N.I. Usik, V.A. Gordeev and S.V. Shkiotov, V.V. Chekmarev, M.L. Alpidovskaja and V.I. Kornjakov, L.A. Karasyova. The assessment is given to a contribution of the specified works to development of theoretical economy as new paradigmalny mainstream. The practical importance of proposals of the called speakers in development of modern Russia is shown. Special attention is paid on justification by speakers of new industrialization as the main factor of increase of competitiveness of national economy of the Russian Federation.

Keywords: conference; reports of associate editors of the Theoretical Economy magazine; development of modern Russia; development of theoretical economy; new industrialization

Как известно, ещё 4 марта 2015 года в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации состоялась Международная научная конференция. В предыдущем номере и на сайте нашего журнала мы давали краткую информацию о ней [1]. Конференция была

посвящена и актуальной, и весьма практически значимой теме – «Развитие современной России: проблема воспроизводства и созидания». Поэтому многие авторы нашего журнала, а тем более члены редколлегии приняли участие в конференции в качестве докладчиков, а сам журнал выступает в числе её соорганизаторов и обеспечивает её информационно.

Хотелось бы поразмышлять с читателем о содержании докладов членов редколлегии, обращаясь к ним в том же порядке, как они были расположены в сборнике материалов конференции. И прежде всего отметить доклад Николая Кирилловича Водомерова, профессора Курского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова [2]. Тема его – «Государственное планирование как средство ускоренного развития технологического машиностроения». Как уже видно из названия, докладчик подчеркивает важнейшую роль ускоренного развития машиностроительной отрасли в повышении конкурентоспособности национальной экономики. А важнейший фактор-средство для такого развития Н.К. Водомеров видит в государственном планировании.

Докладчик резонно утверждает, что «... конкурентоспособное производство может быть организовано только на таком оборудовании, которое по своим технико-экономическим параметрам не уступает передовым достижениям стран-конкурентов» [2, с. 41-42]. Правда, в этом же номере, в рубрике «Новая индустриализация: теоретико-экономические аспекты», мы рассказываем об инициативе ученых-химиков по разработке стратегии химизации экономики РФ [3]. Но, как мы показывали в монографическом исследовании об опыте индустриализации в СССР и возможностях его использования в РФ [4, с. 59-109], между машиностроительными и химическими отраслями существует скорее взаимодополнение, чем противопоставление.

Анализируя статистические данные, Н.К. Водомеров правомерно выражает обеспокоенность по поводу того, что российские предприятия приобретают в основном импортную технику и промышленное оборудование. Причину автор доклада видит в значительном падении отечественного производства машин и оборудования по сравнению с советским периодом: если СССР в 1980-е годы занимал 2-е место в мире по производству станков, то РФ в 2012 году – 22-е место [2, с. 42]. А, в свою очередь, причинами такого спада в докладе названы и обоснованы следующие [2, с. 43-44]. Во-первых, ликвидация СЭВ и разрушение Советского Союза, которые вызвали масштабный разрыв кооперационных связей российских машиностроителей с бывшими партнерами из Восточной Европы и республик СССР, а также утрату значительной части рынков сбыта российской техники. Во-вторых, справедливо замечает автор доклада, рыночная «шоковая терапия» и приватизация привели к резкому сокращению производственных инвестиций в российской экономике и соответствующему снижению спроса на машины и оборудование. В-третьих, либерализация внешней торговли и отсутствие у большинства российских машиностроителей ресурсов и условий для ведения конкурентной борьбы привели к вытеснению их продукции импортом. В-четвертых, низкая эффективность государственного регулирования экономики и стихийное действие рыночного механизма, который обуславливает перелив капитала в те виды деятельности, которые дают быструю и высокую прибыль. В результате усилилась сырьевая составляющая в ущерб остальным видам производства, в том числе – технологического машиностроения, выросла зависимость от экспорта нефти и газа.

На основе методологии классической политэкономии Н.К. Водомеров делает вывод, что «... демонтаж плановой системы и переход к рыночной, капиталистической экономике, осуществленные в конце 1980-х – начале 1990-х годов, противоречили потребностям развития производительных сил нашей страны и поэтому привели к разрушению существенной их части. Причем разрушению в значительной мере подверглось и технологическое машиностроение – основа развития научно-технического прогресса страны. Это разрушение было в дальнейшем закреплено стихийным действием рыночного механизма» [2, с. 44].

Н.К. Водомеров правомерно, по моему мнению, выражает обеспокоенность в связи с тем, что российское технологическое машиностроение поставлено на грань полного вытеснения импортом, а это представляет серьезную угрозу национальной безопасности. Ведь иностранные производители техники намеренно поддерживают и закрепляют технологический отрыв, стремясь не допустить превращения нашей страны в конкурента. К тому же большинство импортируемых сложных станков работает по принципу «черного ящика». То есть изготовитель не позволяет его разбирать, следит за его местонахождением по GPS, систематически получает данные об его использовании, может удаленно остановить работу станка [2, с. 44-45]. Кроме того, в настоящее время, как известно, экономические санкции против РФ включают прекращение поставок оборудования двойного назначения из стран НАТО.

Для достижения подлинной экономической независимости России, справедливо, на мой взгляд, полагает Н.К. Водомеров, «... необходимо форсированное развитие отечественного технологического машиностроения с целью обеспечения внутренних потребностей в машинах и оборудовании за счет его продукции, – причем конкурентоспособной, – не менее, чем на 60-80%. Чем быстрее будет решена эта ключевая задача, тем раньше наша страна выйдет на передовые позиции в мировой экономике и преодолит те негативные тенденции, которые сложились за последние 25 лет» [2, с. 46].

Н.К. Водомеров убедительно, по моему мнению, доказывает, что сложившийся за последние 25 лет рыночный механизм сам по себе не в состоянии обеспечить подъем отечественного машиностроения [2, с. 47]. Докладчик признает, что правительство вынуждено согласиться с таким выводом, но принимаемые государством меры недостаточны для решения указанной проблемы, положение, например, в станкостроении продолжает ухудшаться [2, с. 47-48]. «Низкая результативность принимаемых мер, – считает ученый, – объясняется тем, что они строятся на постулатах неолиберальной доктрины, согласно которой государство не должно вмешиваться в рыночные процессы, а использовать лишь косвенное воздействие на интересы субъектов рынка» [2, с. 48].

В докладе Н.К. Водомерова справедливо, считаю, утверждается, что «... сегодня государственное планирование – это то ключевое звено, с помощью которого можно эффективно решить задачу подъема российского машиностроения» [2, с. 49] и раскрыты особенности такого планирования [2, с. 49-51]. Таким образом, эта работа вписывается в общую нашу деятельность по разработке теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима, где классическая политическая экономия рассматривается как методологическая основа сущностно-содержательного изучения категорий [5; 6; 7; 8; 9]. При этом преувеличение роли неоклассики и неолиберализма, относящихся даже не к вчерашнему, а к позавчерашнему в науке, как убедительно показано в материалах московских международных политэкономических форумов 2013 и 2014 годов [10], чревато серьезными негативными социально-экономическими и политическими последствиями.

Следующий доклад, который следует отметить, представила Нина Ивановна Усик, профессор Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики [11]. Его название – «К вопросу о моделях управления в моделях социально-экономического развития стран». Докладчица показывает, что модели управления в современных моделях социально-экономического развития стран связаны в основном с координирующей ролью международных компаний по решению их основной задачи – получения прибыли. Деятельность этих компаний безразлична к развитию стран, на территории которых она осуществляется. Поэтому для РФ, резонно, на мой взгляд, считает Н.И. Усик, остается проблема выработки модели развития. При этом она поддерживает принцип неодирижизма, выдвинутый Ю.М. Осиповым и его сподвижниками по Академии философии хозяйства [12], но одновременно такое отстаивание государственной роли в осуществлении новой индустриализации, как уже

отмечалось выше, соответствует представлению об этом процессе с позиции теоретической экономики. Для осуществления новой индустриализации необходимо, по мнению докладчицы, направить усилия государства на формирование инновационных кластеров в регионах как институциональной структуры.

Далее обратимся к нашей совместной с С.В. Шкиотовым работе на тему «Повышение конкурентоспособности отечественной экономики как фактор развития современной России: взгляд с позиции теоретической экономики» [13]. Мой соавтор, Сергей Владимирович Шкиотов, как Вы знаете, – кандидат экономических наук и соискатель ученой степени доктора экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Ярославского государственного технического университета. Наша совместная работа посвящена важной проблеме – повышению конкурентоспособности отечественной экономики как фактору развития РФ. В ней мы показываем, что средством решения указанной проблемы выступает осуществление новой индустриализации. Правильнее, по нашему мнению, использовать в исследовании этих категорий не методологию неоклассики, как это распространено во многих публикациях и директивных документах, а теоретическую экономию. Последняя, как новый парадигмальный мейнстрим, предлагаемый нами, характеризуется полиметодологическим подходом к исследованию. При этом приоритет отдается классической политэкономии, рассматривающей экономическую категорию прежде всего с сущностно-содержательной стороны. А неоклассике отводится место в рассмотрении категории преимущественно с точки зрения формы проявления её сущности. Наш доклад содержит попытку целостного рассмотрения категорий «конкурентоспособность национальной экономики» и «новая индустриализация РФ» с акцентом на их эндотерический анализ.

Затем следует обратить внимание на доклад заведующего кафедрой экономики Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова Василия Владимировича Чекмарева, подготовленный в соавторстве с кандидатом экономических наук, доцентом Владимиром Васильевичем Чекмаревым. Тема их работы называется «Неопределенность будущего как угроза безопасности государства» [14]. Авторы утверждают, что одной из самых основных сегодняшних проблем выступает проблема государственности. И в этом контексте неопределенность будущего предстает как реальная угроза государству, его безопасности. Авторы доклада поддерживают положение Марка Кивенена, высказанное в его книге «Прогресс и хаос», о том, что неопределенность будущего возникает через неплототворность его экономизации. Состояние глубокой социальной дезорганизации, присущее сегодня большинству государств, не может быть продуктивно изменено рыночным механизмом развития. Более того, как резонно, на мой взгляд, утверждают авторы доклада, рынок и выступает истоком неопределенности будущего как угрозы безопасности государства. Нетрудно видеть, что приведенные положения и выводы строятся в соответствии с методологическими принципами теоретической экономики, отвергающей абсолютизацию мейнстрима неоклассики.

Далее важно, считаю, обратиться к совместной работе Марины Леонидовны Альпидовской, профессора кафедры макроэкономики Финансового университета при правительстве Российской Федерации, и Василия Ивановича Корнякова, профессора Ярославского филиала Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина [15]. Называется их доклад – «Естественный аттрактор экономических интересов в общественном воспроизводстве». Они отмечают [15, с. 624-625], что абстрактно теоретически естественный аттрактор экономических интересов иллюстрировался ещё в схемах реализации совокупного общественного продукта К. Маркса. А их научное значение сегодня видится, прежде всего, по мнению докладчиков, в открытии общей конфигурации объективного материального объекта, который в экономической теории обобщенно обозначен понятием общественного воспроизводства. В последнем, замечают М.Л. Альпидовская и В.И. Корняков, каждое изменение в величине воспроизводственной субстанции порождает

достаточно сложные и, главное, накапливающиеся многолетние нелинейные мультипликативные повторения. Поскольку общественное воспроизводство представляет собой самовозобновляющееся вихревое спиралевидное движение. При этом изменение величины вращающейся субстанции может предприниматься только за счет увеличения или уменьшения живого, а никак не овеществленного труда (представленного предметами и средствами труда).

Для РФ же сегодня, по мнению докладчиков [15, с. 626], характерен тот вариант общественного воспроизводства, который порождается инфляционным повышением цен, увеличением вращающейся массы одного лишь денежного обмена воспроизводственной субстанции через инфляцию. А реального увеличения материальной трудовой воспроизводственной субстанции при этом не происходит. Прежняя величина материальной массы живого и овеществленного труда дополняется её денежной подделкой, имитацией, «лжетрудом». Кроме того, от каждого разового повышения цен инфляция становится кратно усиленной и многолетней, эти разовые повышения накладываются друг на друга. В результате усиливается уничтожение повышениями цен стимулов к техническому обновлению производства.

К тому же М.Л. Альпидовская и В.И. Корняков резонно, на мой взгляд, замечают: «Технологические революции, углубленное разделение труда породили бурный рост стадийности современного производства. Удлинение технологических цепочек обработки до многих десятков и сотен звеньев. Прибавление в эти цепочки кратных значений «лжетруда» приводит к увеличению в общественном воспроизводстве псевдоовеществленного труда при, по меньшей мере, прежних (а то и уменьшенных) значениях вводимого в него живого труда. ... Искусственное удорожание средств труда затрудняет обеспечение ресурсами их воспроизводства, а также создание новых рабочих мест, которое теперь в РФ всё чаще ожидается уже не от своих, а от иностранных инвестиций. В стране смято нормальное воспроизводство основного капитала, отсутствуют циклы его оборотов, обеспечивающие смену его поколений» [15, с. 626-627].

М.Л. Альпидовская и В.И. Корняков обосновывают и делают вывод [15, с. 627-631], что смена экономической модели становится объективным требованием для РФ. И новая модель должна быть связана с экономией живого труда. В соответствии с теорией ноосферы В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева, А.И. Субетто наши докладчики отмечают, что создалась «... уникальная ситуация – ещё одно доказательство патроната природы над утверждением на нашей планете разумной жизни. Природа своими недоступными людям средствами направляет их не только биологическое, но и естественно-социальное развитие. Она расставляет на этом пути такие вехи, аттракторы, которые, фокусируя внимание и экономические интересы, исключают в восхождении человеческой цивилизации роковые непоправимые ошибки. Но и ей приходится повторять и повторять людям свои подсказки, настойчиво подталкивая их к пониманию губительности той идеологии, которую демонстрирует современная российская экономика с её авторами» [15, с. 631].

Таким образом, в рассматриваемой работе М.А. Альпидовской и В.И. Корнякова ставится крупная научная проблема, являющаяся очень актуальной и практически значимой. И решается она в русле теоретической экономии с её принципом полиметодологичности при приоритете классической политэкономии как средства эндотерического изучения экономических отношений.

В заключение обратимся к докладу Людмилы Аршавириной Карасевой, заведующей кафедрой экономической теории Тверского государственного университета [16, с. 1031-1041]. Название данного доклада остроактуально – «Импортозамещение в условиях воспроизводства кризиса социально-экономического управления».

Докладчица из различных аспектов рассмотрения научным сообществом проблемы импортозамещения выделяет следующие два. Первый связан с системным характером данной проблемы. Второй – с тем, что её разрешение должно реализовываться в условиях воспроизводства

кризиса социально-экономического управления, что усиливает системность проблемы и предполагает качественные изменения в государственном социально-экономическом управлении [16, с. 1031]. Л.А. Карасева определяет такие формы проявления кризиса социально-экономического управления, как 1) кризис адекватности системы управления экономическим реалиям; 2) кризис компетентности управленческой элиты; 3) кризис адекватности интересов управленческой элиты интересам и целям прогрессивного социально-экономического развития России; 4) кризис бюрократической системы [16, с. 1032]. В докладе отмечается, что в настоящее время наблюдается воспроизводство всех названных форм кризиса.

Докладчица доказывает, что импортозамещение не может рассматриваться как самостоятельный процесс вне государственной программы стратегического развития российской экономики [16, с. 1032-1033]. Говоря о системном характере проблемы импортозамещения, Л.А. Карасева опирается на разрабатываемую возглавляемой ею кафедрой методологию многоуровневого устройства хозяйственной системы, состоящей из субординированных между собой технико-экономического, социально-экономического, институционального и собственно хозяйственного уровней [17]. Думаю, что такой методологический подход тверских коллег вполне «вписывается» в русло теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима.

В каждом из названных уровней докладчица обнаруживает аспекты, имеющие прямое отношение к проблеме импортозамещения. Ведь эта проблема принадлежит экономической системе, которая образует сердцевину хозяйственной и предопределяет проблемы, лежащие в других её слоях. В качестве подтверждения Л.А. Карасева обращается, например, к дискуссии по импортозамещению в аграрном секторе экономики, где с новой силой актуализировались проблемы собственности на землю, кадров, средств производства, иностранного владения [16, с. 1033].

Таким образом даже беглый обзор докладов членов редколлегии нашего журнала на конференции в Финансовом университете при Правительстве РФ убеждает, по моему мнению, что данные докладчики активно работают над развитием теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима, стремясь к системному исследованию рассматриваемых экономических категорий. Приоритет при этом отдается эндотерическому анализу в русле классической политэкономии, раскрытию прежде всего сущностно-содержательного аспекта в исследуемых объектах, а неоклассические и институциональные методологические подходы относятся в основном к рассмотрению форм проявления указанного аспекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альпидовская М.Л. Информация о проведенной конференции в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
2. Водомеров Н. Государственное планирование как средство ускоренного развития технологического машиностроения / Н. Водомеров // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – С. 41–52.
3. Бабкин В.В. Новая стратегия: Химия 2030. Высокие переделы сырья. Кластеризация. Химизация индустрии РФ / Бабкин В.В., Успенский Д.Д. – М.: Издательство «Лица», 2015. – 222 с.
4. Гордеев В.А. Индустриализация в СССР: актуальные и неактуальные для РФ аспекты: Монография/В.А. Гордеев, А.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 231 с.

5. Гордеев, В.А. Классическая политэкономия как методология сущностно-содержательного изучения категорий в русле теоретической экономии / В.А. Гордеев // Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке: материалы международной научной конференции / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М., 2014. – С. 23–25.
6. Гордеев, В.А. Классическая политэкономия как методология сущностно-содержательного изучения категорий в русле теоретической экономии / В.А. Гордеев // Известия Волгоградского технического университета. – 2014. – № 17. – С. 11–14.
7. Пороховский А.А. Цивилизационное значение политической экономии / А.А. Пороховский // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2014. – № 4. – С. 43–55.
8. Алиев У.Ж. Какой мейнстрим может (должен) быть первоосновой развития экономической системы России и Казахстана? / У.Ж. Алиев // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Экономический факультет. Кафедра политической экономии / Международная научная конференция «Экономическая система современной России: пути и цели развития» 19 ноября 2014 года. Тезисы участников конференции. Составители: К.А. Хубиев, Г.И. Брялина, Ж.Ф. Куриленко. – Москва, 2014. – Раздел 1. Потенциал политической экономии для теоретического решения проблем российской экономики.
9. Гордеев В.А. Парадоксы конкурентоспособности российской экономики: контраст видения классической политической экономии / В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов // Международная научная конференция «Экономическая система современной России: пути и цели развития», 19 ноября 2014 года: тезисы участников конференции / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Экономический факультет, Кафедра политической экономии; составители: К.А. Хубиев, Г.И. Брялина, Ж.Ф. Куриленко. – Москва, 2014. – Раздел 6 : Рынки и фирмы в информационной экономике.
10. Московский экономический форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://me-forum.ru>
11. Усик Н. К вопросу о моделях управления в моделях социально-экономического развития стран / Н. Усик // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – С. 176–184.
12. Осипов Ю.М. Неодирижизм плюс неолиберализм равняется экономика современной России / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства – 2012 – №2 – С. 9–13.
13. Гордеев В.А. Повышение конкурентоспособности отечественной экономики как фактор развития современной России: взгляд с позиции теоретической экономии / В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – С. 235–243.
14. Чекмарев В.В., Чекмарев Вл.В. Неопределенность будущего как угроза безопасности государства / В.В. Чекмарев, Вл.В. Чекмарев // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – С. 339–344.
15. Альпидовская М.Л. Естественный аттрактор экономических интересов в общественном воспроизводстве / М.Л. Альпидовская, В.И. Корняков // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – С. 624–632.

-
16. Карасева Л.А. Импортозамещение в условиях воспроизводства кризиса социально-экономического управления / Л.А. Карасева // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – С. 1031–1041.
17. Карасева Л.А. О методе структурных уровней в исследовании хозяйственной системы / Л.А. Карасева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2014 – № 15 – С. 25–33.

СОВМЕСТИМОСТЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

Андреев Юрий Николаевич

кандидат экономических наук. ФГБНУ НИИ Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы, главный научный сотрудник
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: yur2591@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о существе и проявлениях эксплуатации в современной России. Уточняется понятие эксплуатации, анализируется роль государства как участника трудовых отношений. Анализируется проблема совместимости эксплуатации с социальным партнерством, обеспечение которого необходимо для перехода к инновационному развитию общества. Показана тенденция развития коллективных форм эксплуатации. Рассмотрено место государства в трудовых отношениях.

Ключевые слова: эксплуатация; техническая эксплуатация; экономическая эксплуатация; стоимость рабочей силы; воспроизводство рабочей силы; социальное партнерство; социальное государство

Код УДК: 330.101

Annotation. The article addresses the question of the nature and manifestations of exploitation in modern Russia. Clarifies the concept of exploitation, analyses the role of the State as a party to the employment relationship. Examines the problem of compatibility with the social partnership, which is necessary for the transition to the innovative development of the society. Shows the trend of development of collective forms of exploitation. Considered the place of the State in labour relations.

Keywords: operation, maintenance, economic exploitation, labour costs, the reproduction of the labour force, social partnership, social state

Россия опасно задерживается с переходом к инновационной экономике. Основной ресурс инновационной экономики – творческий труд, но раскрытие творческого потенциала требует благоприятной социальной атмосферы, отсутствие которой нельзя заменить льготами и стимулами. Институциональная среда, экономическое законодательство и правоприменение, в целом государственное устройство должны быть основой глубокого социального партнерства. Много делается для достижения этой цели, но можно ли утверждать, что путь свободен и нет принципиальных препятствий?

Социальное партнерство – необходимость

Конституция России определяет общее направление развития как формирование социального государства, и социальное партнерство можно рассматривать как инструмент создания социального государства в наиболее важной сфере – сфере трудовых отношений. Цели сформулированы в терминах социологии. Но возможно ли теоретически построение социального партнерства при наличии социальных конфликтов, вызываемых фактом эксплуатации в сфере производства? Трудовой кодекс РФ [1] определяет в ст. 23 социальное партнерство как систему взаимоотношений между работниками, работодателями, органами государственной власти, органами местного

самоуправления, направленную на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений. То есть, сделан упор на наличие процедуры выявления и согласования интересов. Из основных принципов, на которых должно строиться социальное партнерство, и которые перечислены в статье 24 Гражданского кодекса, следует отметить такие, как равноправие сторон и добровольность принятия сторонами обязательств. Наличие этих условий должно обеспечивать согласование интересов при заключении трудовых соглашений. Остается невыясненным теоретический вопрос о принципиальной возможности достижения социального партнерства при наемном характере труда. Актуальность постановки вопроса связана и с декларируемой правительством целью построения инновационной экономики и в перспективе экономики, основанной на творческом труде.

Переход к инновационной экономике, намеченный как государственная политика, требует изучения социальных и экономических условий, при которых этот переход возможен. Важнейшее условие – создание в стране атмосферы социального сотрудничества, недостижимой при наличии эксплуатации. Научный анализ проблемы необходим, чтобы можно было выработать меры по ограничению эксплуатации и достижению необходимого уровня социального сотрудничества. Социальное партнерство – центральный элемент достижения сотрудничества в рамках предприятия, что необходимо для обеспечения атмосферы социального сотрудничества в стране, хотя и недостаточно.

Неизбежна ли эксплуатация при наемном труде?

Авторитет Маркса заставляет полагать, что эксплуатация труда неотделима от частной собственности на средства производства. Выдвигая это положение, Маркс видел возможность ликвидации эксплуатации только в будущем после замены частной собственности общественной. По прошествии времени мы стали перед тем фактом, что частная собственность утвердилась в сфере производства как ведущая форма, а курс на социальное партнерство стал государственной политикой и частью идеи социального государства. Необходим анализ проблемы эксплуатации в условиях нашего времени, чтобы проверить наличие её решения при сохранении частной собственности на средства производства.

В данной статье проблема эксплуатации рассматривается с применением правового подхода, позволяющего выйти за рамки чисто экономических отношений и посмотреть на проблему со стороны. Принцип правовой проверки социальных теорий на истинность аналогичен применяемому в естественных науках принципу экспериментального подтверждения гипотез. Если вы не можете, по меньшей мере, предложить контрольный эксперимент для проверки гипотезы, то ее нельзя рассматривать как вариант теории, в лучшем случае как набор догадок.

Маркс не ставил вопрос о правовом оформлении предполагаемых в будущем производственных отношений без эксплуатации, сознательно оставляя эту задачу следующим поколениям. Предполагалось, что развитие производительных сил приведет к изменениям в производственных отношениях, что, в свою очередь, будет сопровождаться необходимым правовым оформлением. Конечно, в общественной жизни нет предопределенности и автоматизма, необходимы сознательные усилия самих людей. В настоящее время предложения о реализации экономических теорий без проекта правового оформления вообще не рассматриваются. Следует добавить, что такая же ситуация и в области политики. Политические программы, не подкрепленные программой законодательных преобразований, не являются реальными программами.

В разработанной Марксом модели капиталистической системы эксплуатация труда неизбежна, так как невозможно ведение производства без прибыли. А источник прибыли – прибавочная стоимость, которую создает неоплаченный труд. Вся прибавочная стоимость имеет источником

неоплаченный труд, в этом существе эксплуатации. Способ ликвидации эксплуатации виден только один – ликвидация наемного труда как явления, переход к производству на основе общественной собственности на средства производства. Примеры организации труда без использования найма имеются и имелись всегда – это труд ремесленников со своим оборудованием, труд индивидуальных предпринимателей, домашнее хозяйство, коллективная собственность работников предприятия. В более широком смысле слова – это самореализация трудового потенциала работников индивидуально или коллективно.

Следует разделить понятие эксплуатации на два независимых понятия: *техническая* эксплуатация как использование рабочей силы наряду с использованием оборудования и *экономическая* эксплуатация как присвоение работодателем части реальной стоимости рабочей силы или просто неполная оплата труда. В терминах Маркса прибавочный продукт – это неоплаченный результат труда работников. Слово «неоплаченный» создает двусмысленность: неоплаченный как не подлежащий оплате или подлежащий оплате и вопреки этому не оплаченный.

Правовое решение вопроса

С точки зрения институциональной экономики [1], экономическая эксплуатация не правило, а исключение. Фундаментальное понятие институциональной экономики – свободно заключаемый контракт как фундаментальный акт экономических отношений. Классический контракт свободен от принуждения и предполагает эквивалентный обмен благами. Так же понимается контракт и в Гражданском кодексе России (статья 421 ГК РФ 1) [2]. Граждане и юридические лица свободны в заключении договора). В этой системе взглядов наемный труд не связан с эксплуатацией, если вопрос об уровне и условиях оплаты труда определен свободно заключаемым контрактом между работодателем и работником.

На языке контрактов проблему эксплуатации следует трактовать как систему заключения принудительных или вынужденных контрактов. В результате заключения неравноправного контракта работник не получает вознаграждение, достаточное для воспроизводства рабочей силы.

Маркс делал вывод о неизбежности эксплуатации при использовании наемного труда, который, в свою очередь, является следствием монопольного владения капиталом (средствами производства) капиталистами. Но концентрация капитала была оборотной стороной концентрации самого производства, увеличивавшего производительность труда. Поэтому мысленный эксперимент с раздачей населению денег показал бы, что вскоре ситуация вновь бы вернулась к исходному состоянию. Для организации производства с использованием наемного труда достаточно и фактора технологического.

Условия, при которых возможна неполная оплата рабочей силы

По поводу эксплуатации работников капиталистами недостаточно объяснения явления природой наемного труда. Для объяснения факта неполной оплаты труда в массовом порядке и в течение длительного времени надо показать, каким образом могло осуществляться воспроизводство рабочей силы, если оплата труда была ниже ее реальной стоимости, то есть, по определению, недостаточной для воспроизводства рабочей силы. До начала 20 века, а в СССР и до второй половины 20 века, расширенное воспроизводство рабочей силы происходило в значительной мере за счет сельского населения. На протяжении всего периода становления и развития капитализма шел процесс урбанизации. В 20 веке этот процесс подошел к концу, но возникла возможность переноса трудоемкого производства в страны третьего мира. В последнее время усилился и приток рабочей силы из стран третьего мира в развитые капиталистические страны. Эти переливы рабочей силы означают, что часть затрат на воспроизводство рабочей силы происходит за счет других источников. Происходит своего рода географическое разделение труда по созданию самой рабочей силы. Но, несмотря на наличие возможности недоплаты за счет использования труда мигрантов,

значимость недоплат как способа увеличения прибыли стала уменьшаться по двум причинам: во-первых, организованная борьба профсоюзов и, во-вторых, распространение инноваций в производстве как более надежный способ получения прибыли.

В настоящее время, считаю, экономическая эксплуатация становится маргинальным способом ведения хозяйства, что в тенденции снимает фундаментальное препятствие к социальному партнерству между трудом и капиталом. Но это заключение правомерно только для стабильной или растущей экономики.

Для теоретического анализа современной ситуации важно ответить на вопросы: сохраняются ли в заметном масштабе условия для экономической эксплуатации и какие факторы создают условия для развития социального партнерства.

Государство как третий участник трудовых отношений

При формировании цены рабочей силы (цены контракта) действует фактор одновременности затрат. Стоимость воспроизводства рабочей силы определяется будущими условиями жизни и труда, но психологически человек ориентируется на наличные условия жизни и соглашается на цену ниже стоимости. На этот уровень ориентируется и работодатель, так как он не может брать на себя расходы по подготовке кадров для общества в целом. Таким образом, возникает тенденция переноса дополнительных затрат на общество в форме социальных расходов государства. По мере роста сложности труда в течение всего 20 века возрастали и социальные расходы государства на образование, здравоохранение, воспитание детей. Перенос расходов на общество характерен для инфраструктурных расходов, когда предприниматель не может рассчитывать на возврат вкладываемых средств. Соответственно, если возникали условия для долгосрочных связей предпринимателя с работниками, то предприниматели расширяли социальные траты на развитие работников своих предприятий. Подобная ситуация была характерна для предприятий в моногородах, то есть на территориях с очевидным градообразующим предприятием. В ситуации, когда существенную роль в воспроизводстве рабочей силы играют социальные расходы бюджета, факт уровня заработной платы ниже затрат на воспроизводство рабочей силы не означает наличие экономической эксплуатации, поскольку недоплата компенсируется социальными расходами государства. Из этого известного факта следует, что вопрос об экономической эксплуатации не сводится к отношениям работника и работодателя, необходимо рассматривать и участие государства как третьей стороны социального партнерства. Участие государства реализуется в рамках концепции социального государства. Намечившаяся в настоящее время тенденция обратного переноса инфраструктурных расходов государства (социальные расходы) в прямые расходы на воспроизводство рабочей силы, то есть оплачиваемые из заработной платы работников, отчасти могут быть объяснены возросшим уровнем доходов части населения, что повлекло за собой более осознанное отношение семей к расходам на образование и здоровье, на воспитание детей. Для другой части населения эта тенденция означает снижение уровня жизни, но сам факт расширения платных услуг означает и расширение платежеспособного спроса на них. Можно ли на этом основании сделать вывод об усилении экономической эксплуатации для части населения с понижающимися доходами? Теоретически такой вывод сделать нельзя, так как расслоение населения по уровням дохода может быть связано и с изменениями структуры профессий в сторону упрощения, ростом дифференциации профессиональных требований.

Заключение трудового контракта на условиях экономической эксплуатации (заниженной оплаты труда) становится для работника вынужденным, если нет выбора и отказ от заключения контракта нанесет работнику ущерб. Это типичная ситуация недостатка рабочих мест в той или иной местности, или в той или иной категории работников. Размер ущерба не отображается в контрактах, а его фактическая возможность для работника заставляет его заключать договор и соглашаться на экономическую эксплуатацию. Отсутствие выбора для одной из сторон означает

нарушение условий для заключения равноправных контрактов, и в этом случае ущерб может понести любая сторона, предприниматель также может стать объектом эксплуатации со стороны редкого специалиста. Но количественно эти ситуации несопоставимы. В настоящее время во всех странах Европы получил распространение временный вид найма, резко снижающий обязательства работодателя: «Два сердцевинных феномена современной капиталистической экономики тесно связаны между собой: повсеместное внедрение прекариата¹ и массовое использование нелегальной рабочей силы» [8].

Ситуация экономической эксплуатации может складываться и в сфере отношений с государством работников государственных предприятий, социальных и научных учреждений. В последнем случае имеем два вида контрактов: трудовой договор (договор найма) и контракт на выполнение государственного заказа. В договоре найма наличие редкой профессии (научный работник по узкой специальности) может работать против специалиста, поскольку его профессия относится к инфраструктурной деятельности и не востребована рынком. У работодателя объективно появляется возможность снижать оплату труда этим работникам. В случае контракта на выполнение заказа формально соблюдаются все требования подготовки равноправного контракта, но объективно равноправные условия скорее исключение, чем правило. Сложно назвать равными сторонами ведомство заказчика и подведомственное учреждение. Государство как единый заказчик полностью управляет рынком, поэтому специализированные учреждения, получающие доходы в основном за счет заказов ведомства, вынуждены принимать условия контракта, далеко отстоящие от идеала институциональной экономики. Например, в условиях конкурсов на получение лота на выполнение научной работы могут быть требования к возрасту исполнителей. Это новое и слабо изученное явление, которое может означать, что конфликт интересов между работодателем и работниками (коллективом работников) не обязательно связан с частной собственностью на средства производства. Государственное учреждение, проводящее конкурсы и заключающее контракты, располагает собственностью в виде бюджетных средств. Но бюджетные средства являются общественной собственностью, которой организации, уполномоченные государством, распоряжаются уже не как общественной, а как принадлежащей государству, то есть, отчужденной от граждан, выступающих в роли работников и налогоплательщиков. В силу общих требований рынка в этом секторе будут складываться отношения, аналогичные отношениям между работником и предпринимателем, использующим собственный капитал.

Выход за рамки классического найма

Равноправный трудовой контракт и отсутствие экономической эксплуатации - это необходимые условия социального партнерства, но недостаточные. А. Сухарев рассматривает социальное партнерство шире, чем Гражданский кодекс: «В моем представлении, социальное партнерство – это совместная деятельность социальных субъектов по достижению взаимопересекающихся (частично или полностью совпадающих) интересов» [3, с. 52]. «Если нет пересечения интересов, то нет и поля для партнерства. Это уже будет параллельное функционирование» [3, с. 55]. «Чистые» отношения найма предполагают принципиальное отсутствие связи заработной платы с экономическими результатами труда. Партнерство же предполагает некоторую степень общности интересов и разделение ответственности за результаты труда в той или иной форме между работодателем и работником. В слабой форме это сближение наблюдается как участие работников в прибылях, премирование по результатам, согласие работников на уменьшение заработной платы в период затруднений и согласие работодателя повысить заработную плату в периоды благополучия.

¹Термин «прекариат» ввел в употребление профессор социологии Мюнхенского университета Ульрих Бек. Прекариатом называют одновременно и всякую ненадежную, неустойчивую, непостоянную, предоставленную на время занятость, и людей, которым навязана такая форма занятости.

Опыт России в 90-е годы показал возможность такого совпадения ответственности в широких пределах. При исчезновении заказов руководители многих предприятий не увольняли работников, как это принято в европейских странах, а понижали заработную плату, чтобы избежать увольнений. Это типичный случай солидарности, хотя и вынужденной обстоятельствами.

В развитой форме партнерство предполагает доленое участие работников в добавленной стоимости. Такая форма рассматривалась теоретически в советское время как наиболее развитый вариант хозяйственного механизма, но не получила распространения. Во многих странах идея связи фонда оплаты с величиной добавленной стоимости хотя и не декларируется, но проводится «в ручном режиме». Генкин Б.М. приводит примеры из опыта Японии: «Руководитель всемирно известной корпорации «Сони» Акио Морито неоднократно подчеркивал, что управление его фирмой осуществляется по принципу «все мы – одна семья». И это не просто красивые слова. За ними стоит весьма четкая организационная система, заставляющая каждого рабочего и инженера думать об интересах фирмы, как о собственных» [4, с. 354]. Им отмечается зависимость оплаты труда от хозяйственного результата: «Экономической основой социального партнерства является оценка вклада различных социальных групп в создание дохода предприятия и национального дохода страны» [4, с. 354]. Но одновременно проводится в жизнь и противоположное понимание справедливой оплаты труда. Генкин Б.М. приводит пример организации в Швеции «эгалитарной политики заработной платы»: «Сущность этого опыта состоит в том, что рабочие и служащие определенной квалификации при определенных условиях труда получали одну и ту же заработную плату независимо от финансового положения (прибыльности) предприятия. Это принципиально отличает «шведский вариант» от классического капитализма, при котором те, кто работает на процветающей фирме, зарабатывают намного больше своих коллег, занятых на менее прибыльных предприятиях» [4, с. 355]. Если принять, что процветание фирмы связано с усилиями наемных работников, то получится, что сосуществуют две противоположные схемы понимания справедливой оплаты труда. Шведский вариант представляет «чистый» тип отношений найма, когда по умолчанию предполагается, что работник только выполняет заданные функции, творчество исключено. В так называемом «классическом» варианте в неявном виде присутствует зависимость оплаты от вклада, но это уже не классический случай найма. Гэлбрейт отмечает общую тенденцию повышения роли творческого вклада в оплате труда по мере расширения возможностей реализации потенциала работника: «Можно отметить, что значение правил, устанавливающих или ограничивающих трудовые усилия, неуклонно падает, если подниматься вверх по ступеням организационной иерархии» [5, с. 103]. Он также отмечает особенности оплаты труда в малых фирмах: «В мелкой фирме рабочие правила как способ обеспечения определенного уровня затрат трудовых усилий теряют свое значение. Они уступают место системе стимулирования отдельного предпринимателя, которая всесторонне вознаграждает его за усилие и наказывает за лень и неспособность» [5, с. 104].

В настоящее время аналог этой формы можно встретить в России в малом бизнесе. Наемным работникам предлагается выбор системы оплаты труда: твердая зарплата (чистый наём) независимо от результатов, доля в добавленной стоимости (чистое партнерство), комбинация этих вариантов.

Получается неожиданный вывод: преодоление отношений найма начинается с самых рыночных предприятий, с рыночных торговых точек. Видимо, основным условием перехода к социальному партнерству на основе сближения интересов является не технологический уровень производства, а зависимость результата от творческого поведения работника. На сегодня высокие технологии применяются в металлургии, судостроении и автомобильной промышленности. Но именно там и наиболее чистые формы найма. Указанные отрасли являются чрезвычайно капиталоемкими отраслями массового производства с жестко закрепленными функциями работников. Если в конце 19 века и начале 20 века крупные предприятия такого рода были опорой социалистических движений, то сегодня они объективно являются опорой классического

капитализма, естественной средой для системы найма. Из этого следует, что социальный прогресс не является следствием технологического прогресса. Они могут развиваться разнонаправленно.

Факторы, продвигающие развитие социального партнерства

Три фактора толкают к переходу на систему социального партнерства:

- возможность использования творческих способностей работника для увеличения доходов предприятия;
- рост рисков производителей, связанный с увеличением роли инноваций в производстве;
- необходимость маневра оплатой труда для выживания предприятий в кризисных условиях.

Первый фактор с большей силой проявляется в малых предприятиях, в новых видах деятельности (информационные технологии, социальные услуги). Видно и его проявление по отношению к отдельным профессиям (высшие менеджеры, ведущие спортсмены, работники СМИ).

Второй фактор (риски инновационных обновлений) естественно присутствует в инновационных предприятиях, создаваемых для реализации новых технологий. Поэтому работники, являющиеся одновременно и соучредителями, и партнерами, вынуждены ставить оплату своего труда в зависимость от хозяйственных результатов, а гарантированную оплату предлагать нанимаемым техническим исполнителям. По этой схеме выросли крупные компании сектора информационных технологий, а в России эта схема типовая для малых инновационных предприятий, создаваемых при научных организациях и вузах.

Третий фактор действует независимо от воли и желания владельцев предприятий и работников. Классическая система борьбы профсоюзов с предпринимателями за заработную плату и одновременно за рабочие места уже пришла в противоречие с реалиями глобализации. Государство владеет крупными компаниями, от деятельности которых зависит социальное благополучие страны (транспорт, прежде всего). Но оно само, как и всякий предприниматель, может оказаться в трудном финансовом положении. Тем более, что во всех развитых странах растет пенсионная нагрузка на бюджет. В этих условиях поддержание заработной платы и рабочих мест приобретает черты социальной благотворительности, непосильной для экономики страны.

Из вышесказанного не следует, что социальное партнерство невозможно. На формы отношений труда и капитала влияет преобладающая в обществе технология производства. Объективно необходимо существование крупных предприятий с массовым производством «фордовского» типа, где функции работников жестко определены. Соображения о том, что современное производство должно быстро перестраиваться и работать на заказ, не меняет ситуации в принципе, поскольку задача перестройки производства решается узким кругом специалистов. Ограничение функций работников зачастую вполне отвечает запросам самих работников. В этих случаях для нормального и устойчивого социального партнерства достаточно доброй воли работодателей. Работы американских исследователей по опыту самоуправления в США показали, что рабочие способны к высокой степени организованности в критической ситуации для сохранения рабочих мест, но при достижении стабильной работы предприятия немедленно возвращаются к привычной и простой схеме найма.

Особые функции социального государства

Социальное партнерство и отсутствие экономической эксплуатации достижимы в рамках предприятия при обеих системах организации труда: как на условиях найма (соглашение об использовании потенциала работника по усмотрению работодателя), так и на условиях формирования фонда оплаты труда в доле от добавленной стоимости. Но это не означает, что организации социального партнерства на предприятии достаточно для создания атмосферы

сотрудничества и ликвидации экономической эксплуатации. Необходимо и выполнение второго условия – реально действующего социального государства, так как государство является участником воспроизводства рабочей силы.

Социальное партнерство не охватывает проблемы групповых действий работодателей. Капиталисты могут в массовом порядке ликвидировать свои бизнесы и переводить капиталы в другие сферы или другие страны. Если этот процесс достаточно массовый и продолжительный, то можно говорить о деградации производственной сферы. При этом воспроизводство рабочей силы становится для капиталиста ненужным, социальное партнерство излишним. Идея социального партнерства предусматривает обстановку длительного взаимодействия работников с работодателем, в относительно равновесном состоянии экономики. В случае же резкого сворачивания производственной деятельности условия для партнерства исчезают. Российское законодательство не содержит мер, ограничивающих поведение собственников, хотя внешние отрицательные эффекты испытывает все общество. Понятие внешних эффектов отсутствует в российском законодательстве, кроме эффектов в области охраны окружающей среды. Сами внешние эффекты должны были бы стать предметом отношений социального государства с собственниками предприятий, что в свою очередь приведет к изменению статуса частной собственности.

В настоящее время понятие социального государства сужено до функций социальной поддержки, что делает государство беззащитным от разрушительных решений предпринимателей. Достаточно вспомнить пример трудовых конфликтов в Пикалево, когда премьер-министр вынужден был в ручном режиме компенсировать решения предпринимателей о закрытии градообразующих предприятий, вследствие чего значительная часть населения оказалась без средств к существованию. Но предприниматели не нарушали законов. Из этого следует, что действующее законодательство несистемно, не обеспечивает достижение цели построения социального государства. Соответственно и социальное партнерство становится стратегически недостижимым в рамках действующего законодательства. Произвольные решения собственников о судьбе бизнеса имеют следствием волну осложнений для технологически связанных предприятий и отраслей. Получается движение в противоположных направлениях: государство стремится с использованием бюджетных средств восстановить абсолютно необходимые отрасли (машиностроение), а владельцы конкретных машиностроительных заводов могут в это же время проводить политику ликвидации предприятий этой же отрасли.

В последние годы наметилось движение в направлении создания производственных кластеров, в которых предприниматели добровольно соглашались на ограничения в управлении своими капиталами, вложенными в предприятия кластера. От достигаемой стабильности выигрывают все участники кластеров, появляются реальные условия и для достижения стратегического партнерства на предприятиях кластера. Пути решения проблемы в масштабе страны не предполагают ликвидации самого права частной собственности, напротив, необходимо усиление права в направлении присвоения предпринимателем результатов своей деятельности в виде внешних эффектов как положительных, так и отрицательных. Например, для привлечения инвесторов на территорию местные власти идут на расходы по улучшению инфраструктуры, и эти расходы окупаются внешними эффектами от размещения на данной территории нового предприятия: снижается безработица, возрастает налоговая база местного и федерального бюджета, возрастает покупательная способность населения. Эти эффекты не отражаются в доходах самого инвестора, они для него внешние, но создание для инвестора условий, снижающих расходы на производство, означает включение внешних эффектов во внутренние. В симметричной ситуации, когда предприниматель принимает решения, наносящие ущерб обществу, необходим механизм, заставляющий его принять ущерб целиком или частично на свой счет. Только при системном подходе к отношениям работодателей и работников возможно социальное партнерство в масштабах всей страны и на продолжительное время [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12125268>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164072>
3. Сухарев А.И. Теоретические и методологические основы социологии социального партнерства / А.И. Сухарев // Социология социального партнерства / под ред. А.И. Сухарева. – Саранск : 2001. – С. 51–59
4. Генкин Б.М. Экономика и социология труда / Б.М. Генкин. – М. : Норма, 2007. – 448 с.
5. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества : пер с англ. / Дж. Гэлбрейт ; ред. Н.Н. Иноземцев. – М.: Прогресс, 1979. – 406 с.
6. Андреев Ю.Н. Экономика знаний и ее хозяйственный порядок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.theoreticaleconomy.info
7. Баренбойм П.Д. Конституционная экономика: двадцать пять лет в мире и десять лет в России / П.Д. Баренбойм // Законодательство и экономика. – 2007 – №6 – С. 4–9
8. Лихолетие 90-х [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://october1993.ucoz.ru/index/prekariat/0-9>
9. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992-2013 / В.Н. Лившиц. – М.: Ленанд, 2013. – 640 с.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И КАРЛ МАРКС

Фельдблюм Владислав Шуньевич

доктор химических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет»
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: info@ystu.ru

Аннотация. В статье рассматривается экономическое учение Карла Маркса в свете междисциплинарной общеэкономической теории. Изложены принципы и подходы этой теории к анализу общественного производства как сложной динамической системы с прямыми и обратными связями, требующей для понимания привлечения современных достижений на стыке естествознания, математики и гуманитарных наук. Новая теория подчеркивает непреходящую научную ценность открытого Марксом закона соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил. В то же время отмечается, что революционное содержание марксизма постепенно утрачивает историческое значение. Делается вывод, что наиболее важным и ценным в экономической теории Маркса следует считать уникально строгую и точную формулировку понятия «труд», данную в первом томе «Капитала». С позиций новой теории рассматриваются важнейшие тенденции и противоречия развития России в современном мире.

Ключевые слова: междисциплинарная общеэкономическая теория; экономическое учение Карла Маркса; законы развития общественного производства; Россия в современном мире; возможности; развитие

Код УДК: 330.88

Annotation. The article deals with the economic theory of Karl Marx in the light of the interdisciplinary general economic theory. The principles and approaches of this theory to the analysis of social production as a complex dynamic system with backward and forward linkages required to understand the use of modern advances at the junction of the natural sciences, mathematics and the humanities. The new theory emphasizes the intrinsic scientific value of Marx's discovery of the law consistent with the nature of industrial relations level of development of the productive forces. At the same time it is noted that the revolutionary content of Marxism is gradually losing its historical significance. It is concluded that the most important and valuable in Marx's economic theory should be considered as a unique strict and exact wording of the concept of «work», given in the first volume of «Capital». From the standpoint of the new theory are considered the most important tendencies and contradictions of Russia's development in the modern world.

Keywords: interdisciplinary general economic theory; the economic theory of Karl Marx; laws of social production; Russia in the modern world; opportunity; development

Учение Карла Маркса оказало огромное влияние на всю историю XX века. Его работы сформировали в философии диалектический и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, в политике – теорию классовой борьбы. Эти направления стали основой мирового коммунистического и социалистического движения и соответствующей идеологии –

марксизма. Карл Маркс является автором широко известного «Манифеста коммунистической партии», впервые опубликованного в 1848 году. Под знаменем марксизма русские большевики много лет вели борьбу с царизмом, совершили Октябрьскую революцию 1917 года. В советской стране Маркса почитали как «основоположника научного коммунизма», как «великого учителя и вождя мирового пролетариата». Его «Капитал» считался хрестоматией советской идеологии. Памятники Марксу, Энгельсу и Ленину во всех уголках нашей страны и до сих пор напоминают о нашем советском прошлом. После перестройки, в начале 90-х, имя Карла Маркса начали предавать анафеме. Пальму первенства захватили те самые ученые, которые при советской власти славословили Маркса, получая за это высокие научные звания, премии, награды. Теперь, когда власть сменилась, они начали рьяно доказывать несостоятельность марксизма. Конечно, ошибаться может каждый. Признание своих ошибок и изменение взглядов не могут быть предметом порицания. Но в данном случае речь о другом – о беспримерном лицемерии, трусости, карьеризме. Есть цивилизованное и нецивилизованное отношение к марксизму. Последнее превращает марксизм либо в икону, либо в исчадие ада. Истинная наука – за цивилизованное отношение к философскому и экономическому наследию Карла Маркса.

Ни одна научная теория не может считаться абсолютной истиной, справедливой на все времена. Маркс блестяще проанализировал природу и тенденции развития капитализма своего времени. Многие его прогнозы подтвердились. В ряде стран произошли предсказанные им социальные революции. Но Маркс не мог предвидеть во всех деталях ход будущего общественно-экономического развития. Он не дожил до современного капитализма, не изучал его законов. Как показывают исследования, современный капитализм является существенно иной общественно-экономической формацией по сравнению с капитализмом времён Маркса. Не оправдались и прогнозы Маркса о неминуемой гибели мирового капитализма в пламени пролетарской революции, и его учение о пролетариате как «могильщике» мирового капитализма. Не предвидел Маркс и того, что капитализм со временем научится предотвращать или смягчать регулярные разрушительные кризисы перепроизводства, которые были ему присущи на ранних стадиях. За пределами экономической теории Маркса осталось и исследование регулирующей роли государства с целью предотвращения или сглаживания колебаний рыночной конъюнктуры и деловой активности. Наконец, и грандиозные достижения современной научно-технической революции наложили отпечаток на весь ход мировой истории. По этим и другим причинам революционное содержание марксизма постепенно стало терять своё значение.

Нельзя не сказать и о том, что, хотя марксизм был провозглашён официальной идеологией в нашем советском прошлом, многие советские идеологи даже не давали себе труд внимательно и вдумчиво читать подлинные труды Маркса. Ключевые положения марксистской экономической теории часто искажались. Были и объективные причины. История поставила советскую страну перед фактом враждебного капиталистического окружения, и это не могло не приводить к отступлениям от марксистской теории в реальной политике. Сохранилось ли сегодня что-нибудь рациональное в марксизме? Или, как считают многие, он безнадежно устарел? Как показывают исследования, самым главным в экономической теории Маркса, с современных позиций, следует считать строгое научное определение понятия «труд», впервые сформулированное в первом томе «Капитала». Прежде это как бы отступало на второй план, заслонялось революционным содержанием марксизма. А между тем, именно определение Марксом процесса труда сохраняет непреходящее научное значение. Это определение легло в основу междисциплинарной общеэкономической теории, которой посвящена своеобразная трилогия, охватывающая почти 40 лет непрерывной работы (В.Ш. Фельдблюм. «К общеэкономической теории через взаимодействие наук». – Ярославль, типография ЯГТУ, 1995; Владислав Фельдблюм. «Вторжение в незыблемое: путь химика в политическую экономию». – Ярославль, издательство «Ещё не поздно!» ООО НТЦ «Рубеж», 2007; Владислав Фельдблюм. «Междисциплинарная общеэкономическая теория в действии». – Ярославль, ИПК «Индиго», 2015).

Современное общественное производство представляет собой сложную динамическую систему, с множеством прямых и обратных связей. Здесь протекают параллельно-последовательные процессы: механические, химические, экономические, экологические, биологические и другие. Каждый тип процессов изучается своей самостоятельной наукой. Но вся их совокупность требует для изучения междисциплинарного подхода, требует творческого взаимодействия различных научных дисциплин. Для глубокого понимания законов функционирования этой сложной системы больше не годятся те методы, которые столь привычны для наших философов, экономистов, социологов. Главным результатом в междисциплинарной общеэкономической теории является вывод уравнения «одушевлённой производственной функции» (ОПФ). Она называется так потому, что в это уравнение, наряду с традиционными макроэкономическими величинами, входят «человеческие факторы» – психологические факторы мотивации труда. Это – важное отличие ОПФ от обычных производственных функций, хорошо известных из математической экономики. Интересно, что традиционная макроэкономическая производственная функция Кобба-Дугласа оказывается частным случаем ОПФ. С учётом факторов мотивации труда, ОПФ получает законченный вид и становится пригодной для всестороннего отображения социально-экономической системы. Уравнение ОПФ включает ключевые переменные, от которых зависит функционирование реальной экономики: природные ресурсы, объём экономического пространства, капитал (производственные фонды), численность работников, их мотивация и компетентность, фактор научно-технического прогресса. Уравнение ОПФ применимо не только к капиталистической формации, но и к общественному производству в целом, на любой ступени его развития. Поэтому из общего уравнения ОПФ вытекают в качестве частных случаев уравнения одушевлённых производственных функций конкретных социально-экономических систем. Показано, что, наряду с уже известными из истории системами (первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая), возможно существование и других, ещё не известных из исторического опыта. Это – важный вывод из теории ОПФ. Особенно существенно, что новая теория позволяет глубже понять причины и сущность перемен в России на протяжении минувшего столетия. Становится более предсказуемой перспектива развития российского общества в современном мире. Открываются возможности для проведения осмысленной, оптимальной политики.

Наряду с уравнением ОПФ, в новой общеэкономической теории выводятся уравнение общего экономического баланса, уравнение совокупного потребления, уравнение совокупной заработной платы и др. Вместе с ОПФ они пригодны в качестве инструментов для адекватного исследования социально-экономической динамики. С их помощью исследуются причины и механизмы экономических кризисов, методы их предотвращения или смягчения их последствий. Важным является вывод о том, что кризисам может быть подвержена не только капиталистическая, но и другие социально-экономические системы, в том числе социалистическая, по-крайней мере в том виде, как она была реализована в советском обществе. Особенно существенно выявление определяющей роли факторов мотивации труда в социально-экономических переменных. Обосновывается тезис о том, что обострение противоречий советской системы и её последующий кризис – это в первую очередь кризис мотивации труда.

Уравнение ОПФ и другие уравнения этой новой теории нельзя использовать для точных количественных расчётов сложных социально-экономических процессов. Причина в том, что не представляется возможным дать точную количественную характеристику некоторых величин, входящих в уравнение ОПФ. Возможно, это станет возможно в будущем. А пока система уравнений ОПФ может быть использована для качественной имитации социально-экономических процессов. Это важный метод, он уже давно применяется в математической экономике. Похожая ситуация встречается и в естествознании. Например, известное квантово-химическое уравнение Шрёдингера точно описывает состояние электрона только в атоме водорода. Оно не подходит для более сложных атомов. Но на его основе разработаны полуколичественные и полуэмпирические методы приближённого описания сложных атомов и истолкования природы химической связи.

Междисциплинарная общеэкономическая теория принципиально отличается от нынешней новомодной «экономикс». В междисциплинарной общеэкономической теории действуют живые люди, а не бездушные «экономические агенты», конкурирующие между собой для извлечения максимальной прибыли. В новой теории не действует тот известный постулат «экономикс», что ни один экономический агент ни при каких обстоятельствах не отказывается даже от небольшой денежной суммы. Экономическая деятельность в новой теории не сводится только к механическому перемещению товарных и денежных потоков навстречу друг другу. Междисциплинарная общеэкономическая теория прямо включает в экономические отношения психологические, этические, моральные, нравственные факторы. Ценность междисциплинарной общеэкономической теории в том, что она более полно учитывает совокупность социально-экономических факторов в их взаимосвязи. Поэтому она открывает возможность делать правильные выводы и прогнозы там, где до сих пор пытаются с учёным видом фантазировать или гадать на кофейной гуще.

Междисциплинарная общеэкономическая теория не отвергает формулировку Марксом основного экономического закона как закона соответствия между характером производственных отношений и уровнем развития производительных сил, но позволяет уточнить и конкретизировать действие этого закона. Новая теория ставит в центр проявления этого закона фактор мотивации труда. В «Экономических рукописях 1857-1859 годов» (первоначальном варианте «Капитала») Карл Маркс предсказал, что в будущем удастся вывести «первые уравнения», которые по аналогии с естествознанием смогут описывать состояние социально-экономической системы. Он собирался заняться этой работой, но не успел. В междисциплинарной общеэкономической теории этот прогноз нашёл подтверждение. Такие уравнения выведены, причём, как и предполагал Маркс, на основании глубокой аналогии экономических и естественных процессов. Карл Маркс считал, что основным законом капитализма – закон прибавочной стоимости. В новой теории показано, что применительно к современному капитализму этой формулировки уже недостаточно. В нашу эпоху технологически сложных и опасных производств мотив прибыли часто уступает место факторам надёжности и безопасности. В междисциплинарной общеэкономической теории с единых позиций сформулированы экономические законы как раннего, так и современного капитализма, причём не только словесно, но и математически. Это выводит междисциплинарную общеэкономическую теорию на уровень новой науки – математической политэкономии.

Карл Маркс предсказывал неизбежную гибель капитализма в пламени пролетарской революции. В междисциплинарной общеэкономической теории исследовано, почему этот прогноз до сих пор не оправдался. Показано, что современный капитализм трансформировался в многофакторную систему, с многочисленными прямыми и обратными связями, с множеством степеней свободы для социально-экономической адаптации. Возросшая регулирующая роль государства позволяет современному капитализму видоизменяться и разрешать наиболее острые социальные противоречия без губительных революционных катаклизмов. В то же время, ряд противоречий, присущих капитализму как общественной системе, сохраняется и до сих пор. Это говорит о том, что в целом вывод Маркса об исторической бесперспективности капитализма как общественной системы сохраняет актуальность. Но положение марксизма о неизбежности мировой революции в новой теории заменяется утверждением о неизбежности исторической эволюции капитализма в более прогрессивную и справедливую социально-экономическую систему, способную объединить человечество перед лицом глобальных угроз, решить проблемы выживания и развития цивилизации на Земле. В развитие работ Маркса, междисциплинарная общеэкономическая теория анализирует с современных позиций причины и механизмы экономических кризисов. Проанализированы современные имитационные модели математической экономики, воспроизводящие цикличность экономического развития. Рассмотрены способы государственной стабилизационной политики и отличительные особенности экономических кризисов современного капитализма.

Карл Маркс считал главным злом капитализма частную собственность и капиталистическую эксплуатацию. В междисциплинарной общеэкономической теории проанализированы серьёзные изменения характера наёмного труда в современную эпоху. Отмечается повышение роли компетентного менеджмента и усиление тенденции к гуманизации труда. Нельзя недооценивать тот факт, что есть разные пути, по которым частные собственники могут расходовать свою прибыль. Это определяет структуру и противоречия в обществе, от этого зависят уровень и качество жизни людей. Тотальная экспроприация капиталистов, которую Маркс и Энгельс считали обязательной, в наше время заменяется законодательством, побуждающим или принуждающим частных владельцев к экономической деятельности не только в личных, но и в общественных интересах. Национализация средств производства – один из возможных законодательных инструментов, наряду с приватизацией. Другим цивилизованным инструментом ограничения антиобщественных сверхвысоких доходов стала прогрессивная система налогообложения, действующая ныне в большинстве экономически развитых стран. Карл Маркс считал пролетариат могильщиком капитализма. В новой теории проанализировано серьёзное отличие современного наёмного работника от пролетария времён Маркса. Повышение роли менеджеров и квалификации исполнителей способствует надёжной работе современных технически сложных производств, которых ещё не было в эпоху Маркса. Возросшая роль профсоюзов в сочетании с регулирующей ролью государства в экономически развитых странах обеспечивают нынешним квалифицированным наёмным работникам значительно более высокий жизненный уровень по сравнению с временами Маркса.

С позиций междисциплинарной общеэкономической теории рассматриваются важнейшие тенденции и противоречия развития России в современном мире. Сформулированы основной экономический закон и основное противоречие советского варианта социализма, который в силу объективных причин оказался построенным в СССР. Рассмотрен вопрос о том, была ли перестройка объективной необходимостью или исторической случайностью. Проанализированы различные аспекты «радикальной экономической реформы»: стагфляция, приватизация, разрушение экономического пространства, деградация производственных фондов, вырождение научно-технического прогресса, усиление социального расслоения и т.д. На основании этого анализа сделан однозначный вывод о том, что «шоковый» скачкообразный переход от советской социально-экономической системы к системе либеральных принципов объективно невозможен, а сами эти принципы во многих отношениях не соответствуют долговременным тенденциям общественного развития. Степень свободы в российском обществе должна быть оптимальной. Избыток свободы столь же вреден, как и её дефицит. Избыток свободы приводит к хаосу и анархии, к расцвету воровского и мошеннического «бизнеса», к техногенным авариям и катастрофам, к проникновению во власть антиобщественных элементов, к разгулу преступности, к рецидивам терроризма. Дефицит свободы ведёт к всевластию коррумпированной бюрократии, закрывает дорогу к власти способным и честным политикам, подавляет экономическую активность продуктивного и компетентного бизнеса, мешает взаимовыгодному международному сотрудничеству. Неучёт этих выводов приводит к просчётам в политике, к технологическому отставанию страны вместо ожидаемого прогресса, к росту зависимости от заграницы в критически важных областях, к ущербу для национальной безопасности, к финансово-экономическим кризисам и социальной напряжённости.

Сделан вывод о нецелесообразности и невозможности сохранения в России рецидивирующего с 90-х годов дикого капитализма, с его безудержным эгоизмом, вопиющей социальной несправедливостью и регулярными разрушительными кризисами. Обосновывается безальтернативность эволюционного движения России к обществу нового типа, к новому гуманному обществу, оптимально соединяющему экономическую эффективность с социальной справедливостью. Сформулированы основные социально-экономические характеристики этого нового общества. Подчёркивается важная регулирующая роль социального государства.

Обосновывается необходимость обновления его конституционных функций. Междисциплинарная общеэкономическая теория приводит к выводу о непреходящей определяющей роли фактора социально-экономической политики в общественном развитии. Это означает, что в общеисторическом процессе социально-экономического развития регулирующая роль государства не ослабевает, а усиливается. Вместе с этим изменяются регулирующие функции государства в направлении повышения его ответственности, эффективности и социальной направленности проводимой политики. Следует признать в равной мере ошибочными как коммунистическую доктрину о будущем общественном самоуправлении, так и либеральную мифологию о будущем гражданском обществе с безбрежной демократией. Подчёркивается важность совершенствования избирательной системы. Будущее страны решающим образом зависит от того, будут ли выборы приводить к власти действительно ответственных и компетентных политиков.

Эффективное и ответственное перед обществом социальное государство обязано обеспечивать национальную безопасность во всех её аспектах, планировать и реализовывать всестороннее социально-экономическое развитие страны, регулировать функционирование рынка путём координации деятельности государственного и частного секторов в общенациональных интересах, реализовывать в качестве главного приоритета повышение уровня жизни большинства населения, предотвращать недопустимо высокую степень социального расслоения, гарантировать основные демократические свободы и законные права личности, способствовать превращению науки и культуры в факторы, определяющие дальнейшее общественное развитие. Особой заботой государства должно стать предотвращение антиобщественного использования достижений науки и техники. В мире стремительно разворачивается новый виток научно-технической революции. Применение нанотехнологий в биологии и медицине, создание новых наноматериалов и новых источников энергии, всевозможные наноразмерные устройства – всё это способно принести огромную пользу человечеству, но и причинить непоправимый вред. Создание молекулярных нанокomпьютеров откроет человечеству невиданные, поистине фантастические возможности. Человек научится вживлять эти сверхминиатюрные устройства в свои ткани и органы. Начнётся широкое внедрение в организм датчиков и других приборов. Реальные очертания приобретёт создание «искусственного интеллекта». Будущий *homo sapiens* будет качественно отличаться от нынешнего за счёт симбиоза с молекулярной электроникой, с другими продуктами высоких технологий, с интернетом. Для будущего человека станет доступна вся информация, накопленная предками, её полностью оцифруют. В его распоряжении окажутся неограниченные резервы памяти, мощные технологии вычислений и обработки данных, более надёжные оценки и прогнозы. Новые технологии можно будет использовать для коррекции психики, ограничения агрессии, блокирования боли, мобилизации сил. Не исключено, что, достигнув такого уровня, человек даже захочет и сумеет решить проблему своего бессмертия. Будущее человечества будет решающим образом зависеть от того, в чьи руки попадут плоды научно-технической революции. Уже разрабатывается «нанооружие» и теория «нановойны». Легко представить себе, что произойдёт, если научные достижения окажутся в руках безудержных эгоистов или безответственных политиканов! Чем действеннее и грандиознее инструменты воздействия на природу, появляющиеся в руках людей, тем выше их ответственность за своё будущее на Земле.

Междисциплинарная общеэкономическая теория изучает и некоторые вопросы методологии науки, принципиально важные для её дальнейшего развития. В частности, междисциплинарная общеэкономическая теория наследует глубокий интерес Маркса и Энгельса к применению математических и естественно-научных методов в политической экономии. Следует отвергнуть распространённые ныне представления о невозможности использования математических методов для описания сложных общественных явлений и процессов. Необходимо исходить из того, что математика является тем мостиком, который объединяет гуманитарное и естественнонаучное мышление. Математика играет важную синтезирующую роль в перемещении духовных ценностей

из одной сферы интеллектуальной деятельности в другую. Более того, с усложнением предмета исследования роль математических методов возрастает. Главное не в том, что математика чаще всего имеет дело с количественными оценками и точными расчётами, а в том, что математика на строго научной основе изучает качественные характеристики сложных объектов. Она способствует объединению формальных методов мышления с неформальными, характерными для гуманитарных наук. Вместе с тем, междисциплинарная общеэкономическая теория не имеет ничего общего с голым теоретизированием, с подменой глубокого научного исследования математической формалистикой, с уходом из жизни в сферу формул и цифр без реального содержания. Решающий критерий всегда один – подтверждение теоретических построений общественной практикой, реальной жизнью.

Междисциплинарная общеэкономическая теория считает принципиально важным проводить различие между идеологией и наукой. Для идеологии, как правило, характерен недостаточно объективный, односторонний подход к трактовке сложных общественных явлений, характерно стремление действовать в интересах определённых социальных групп, часто не отражающих жизненных интересов большинства населения. Наука отличается от идеологии системностью подходов, преемственностью развития, комплексным и всесторонним анализом изучаемых объектов, тщательной проверкой соответствия между теорией и практикой. Конечно, учёные нередко ошибаются. Но недостаточность или ошибочность тех или иных научных представлений не снимает принципиального различия между идеологией и наукой. Наука совершенствуется, пополняется знаниями, обогащается новыми методами исследования. Конституционное положение о недопустимости господства какой-либо идеологии в нынешнем российском обществе не должно распространяться на науку. По мере успехов науки, по мере приближения гуманитарных наук к естествознанию с точки зрения надёжности результатов и способности к прогнозированию, государство сможет и должно в возрастающей степени опираться на науку при разработке оптимальной государственной политики. Междисциплинарная общеэкономическая теория вносит свой вклад в объективно неизбежный процесс продуктивного взаимодействия и постепенного сближения наук о природе и обществе.

О НОВОЙ ХИМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РФ КАК ВАЖНЕЙШЕЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Голиков Игорь Витальевич

доктор химических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет»,
проректор по научной работе
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: golikoviv@ystu.ru

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член
Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу новой химической стратегии РФ, разработанной В.В. Бабкиным и Д.Д. Успенским и обсужденной на научном семинаре в Ярославском государственном техническом университете. Рассмотрены основные цели стратегии: достижение высоких переделов сырья, кластеризация разобщенных химических предприятий, химизация российской экономики. Поддержаны предложения разработчиков стратегии: 1) о новом размещении производительных сил – строительстве припортовых заводов, где граница спроса и предложения локализована в одной точке; 2) о прекращении экспорта минеральных удобрений в пользу применения их на полях России и импортозамещении продовольствия.

Ключевые слова: химическая стратегия РФ; достижение высоких переделов сырья; кластеризация химических предприятий; химизация российской экономики; смена курса макроэкономической политики; пересмотр итогов приватизации; использование централизованного планирования

Код УДК: 330.88

Annotation. Article is devoted to the analysis of the new chemical strategy of the Russian Federation developed by V.V. Babkin and D.D. Uspensky and discussed at a scientific seminar at the Yaroslavl state technical university. Main objectives of strategy are considered: achievement of advanced processing of raw materials, a clustering of the separated chemical companies, chemicalization of the Russian economy. Proposals of developers of strategy are supported: 1) about new placement of productive forces – construction of port plants where the border of supply and demand is localized in one point; 2) about the termination of export of mineral fertilizers in favor of their application on fields of Russia and import substitution of the food.

Keywords: chemical strategy of the Russian Federation; achievement of advanced processing of raw materials; clustering of the chemical companies; chemicalization of the Russian economy; shift of macroeconomic policy; revision of results of privatization; use of central planning

В Ярославском государственном техническом университете состоялся научный семинар, где проведена презентация книги [1] и осуществлена экспертиза содержащейся в ней новой химической стратегии для РФ на предстоящие 15 лет, то есть до 2030 года. Упомянутую стратегию

представили её разработчики В.В. Бабкин и Д.Д. Успенский. Оба они имеют многолетний опыт руководящей работы на предприятиях химической промышленности СССР.

Так, кандидат наук, профессор В.В. Бабкин после окончания химико-технологического факультета Ярославского технологического института работал на руководящих должностях в Новомосковске, Могилеве, Гомеле, Череповце. Закончил аспирантуру в Академии Наук Белорусской ССР, учился в Академии народного хозяйства СССР. Возглавлял Всесоюзное объединение химических средств защиты растений и Главное научно-техническое управление, был членом коллегии Миннефтехимпрома СССР.

Д.Д. Успенский, окончив в 1960 году Киевский политехнический институт, участвовал в строительстве и пуске химических заводов в СССР и за рубежом. А с 1970 года, то есть с начала строительства Череповецкого химического завода, работал на этом предприятии, пройдя за 20 лет путь от начальника цеха до генерального директора.

В постсоветские годы реформ В.В. Бабкин и Д.Д. Успенский по собственным разработкам создали первый химический кластер в РФ с объемом продаж в миллиарды долларов. То есть это эксперты, в чьей научной квалификации и практическом опыте не приходится сомневаться.

Они посвятили свой труд [1, с. 3] памяти Л.А. Костандова, министра химической промышленности СССР, чье столетие со дня рождения отмечается как раз в нынешнем 2015 году. Обратив внимание на то, что под руководством Л.А. Костандова и А.Н. Косыгина в 1963-1978 годах была осуществлена реализация программы химизации, которая вывела химическую промышленность СССР на первое место в мире, разработчики новой стратегии Химия 2030 базируют её на бесценном опыте двух великих советских реформаторов. «Какова химия – такова и жизнь», – эти слова Л.А. Костандова В.В. Бабкин и Д.Д. Успенский не случайно взяли эпиграфом своей монографической работы о новой химической стратегии для нашей страны.

Обсуждение химической стратегии в нашем университете, надо признать, было не первым актом её апробации. Ему предшествовали доклады разработчиков об основных положениях этой стратегии на таких встречах специалистов, как Московский экономический форум 26-27 марта 2014 года, совместные заседания 62-го и 63-го Советов Российского союза химиков и Комиссии Российского союза промышленников и предпринимателей по химии (Москва, 30 сентября и 27 ноября 2014 года), II Московский международный химический форум 22-23 октября 2014 года, заседания Совета Российского союза химиков в 2014 году, VII международный промышленно-экономический форум «Стратегия объединения: решение актуальных задач нефтегазового и нефтехимического комплексов на современном этапе» (Москва, 2014 год).

Но Ярославлю и его техническому университету разработчики стратегии придали особое значение в апробации своего труда. Ведь здесь родина и первого в мире завода синтетического каучука, и флагмана советской шинной промышленности, и нефтеперерабатывающих заводов, и предприятий по производству резинотехнических и асбестотехнических изделий, здесь была сосредоточена шестая часть производства всей лакокрасочной продукции СССР. А соответственно наш технический университет гордится своими научными школами химического профиля, известными не только в нашей стране, но и во всем мире. Поэтому представить на их суд свою работу авторы стратегии и сочли важным и необходимым. Участники обсуждения, ярославские ученые-химики и ученые-экономисты, разделили с разработчиками новой химической стратегии озабоченность тем, что более двух десятилетий правительство, министерства и другие государственные органы практически ничего не делают для взаимоувязки нужд страны и планов развития почти полутысячи предприятий химического и нефтехимического комплекса РФ [1, с. 11]. Ведь получается, что планирование госбюжета и химического комплекса не связаны между собой, а это наносит серьезный ущерб национальной экономике.

В ходе обсуждения в выступлениях докторов химических наук, профессоров И.Г. Абрамова, А.А. Ильина, Е.А. Индейкина, А.В. Колобова, Ю.А. Москвичева, М.Е. Соловьева, В.Ш. Фельдблюма, авторов данной статьи и других участников семинара получили поддержку сформулированные разработчиками новой стратегии основные принципы теории технологических цепочек в химической экономике (что-то подобное гомологическим рядам в органической химии), которая однозначно подтверждает высокую эффективность глубокой переработки сырья [1, с. 14-15, 52-67].

В то время, как власти РФ с гордостью констатировали, что за прошлый 2014 год в РФ: «Обновлен рекорд добычи нефти, самый большой за всю новейшую историю – 525 миллионов тонн» [2, с. 2], участники семинара с горечью отметили, что при этом лишь 54% составляет удельный вес её переработки, а по замыслам правительства РФ в предстоящие годы этот показатель ещё снизится до 46%, то есть будет вдвое ниже, чем во многих нефтедобывающих странах. Разумеется, такое положение не может устраивать настоящего патриота России, поэтому в новой химической стратегии и намечены поддержанные участниками семинара пути преодоления этой негативной ситуации.

С другой стороны, В.В. Бабкин и Д.Д. Успенский обращают внимание на то, что «... разработчики старой стратегии в неумной борьбе за качество критикуют низкие передельные нормы удобрений, не понимая того, что применение их на внутреннем рынке переходит в высокое качество продовольствия и не требуется при этом преодолевать надуманные проблемы с введением дополнительных операций для внедрения сверхпридирчивых стандартов, подсовываемых нашими конкурентами на Западе. Необходимость прекратить экспорт удобрений и направить их на оскудевшие питательными элементами поля России является важнейшим тезисом новой стратегии. Помимо всего прочего (санкции, удручающая ситуация с обеднением почв и так далее) надо понять, что инвестирование в российское село на порядок выгоднее, чем инвестирование в зарубежного сельхозпроизводителя при покупке у него продовольствия. Разработчики старой стратегии просто игнорируют это обстоятельство» [1, с. 15]. Участники семинара признали резонность и практическую важность данного замечания авторов новой химической стратегии.

А вообще, новая стратегия предлагает пути перехода от экспортно-сырьевой модели развития РФ к инновационно-инвестиционной [1, с. 54-67], о чем много говорится, но, к сожалению, мало что делается в нашей стране в последние годы. Химизация, как цель новой стратегии 2030, сегодня далеко не всеми воспринимается однозначно, чиновников пугает масштаб предлагаемых изменений в инвестиционной политике. «Однако, – резонно заметили разработчики новой стратегии, – не следует забывать, что горизонт планирования новой стратегии – 15 лет и в целеполагании нельзя мелочиться, кстати, именно в таком же временном промежутке была проведена первая химизация страны в 1963-1978 годах. Мы вряд ли были тогда богаче, чем сейчас, правда, менеджеры тогда были другие. Важно понять, что строить отдельные химзаводы, не ставя задачи химизации всей экономики, значит не только профанировать саму идею стратегического развития национальной экономики, но, главное, не получить мощный прирост ВВП благодаря синергетическому эффекту от применения химических технологий и материалов во всех без исключения сферах материального производства» [1, с. 16].

Конечно, по ряду направлений новая стратегия требует и уточнений, и дополнительной научной проработки, о чем разработчики её и обратились за помощью к ведущим ученым-химикам Ярославского политеха, и это предложение встретило согласие последних и желание подключиться к данной работе. Участники семинара осознали, что предложенная стратегия – это как раз конкретное наполнение выдвинутой В.В. Путиным несколько лет назад задачи новой индустриализации в РФ. Было единодушно подчеркнuto, что эта задача и эта стратегия – отражение объективной необходимости для нашей страны, а в условиях западных экономических санкций актуальность и практическая значимость реализации этой задачи и этой стратегии ещё более возрастают.

Однако участники семинара осознавали, что без активной роли государства такая реализация попросту невозможна. Как приходилось уже обосновывать одному из нас [3, 4, 5, 6, 7, 8], проведение новой индустриализации объективно необходимо для РФ, но требует использование советского опыта реализации такого проекта. Однако этот опыт нереализуем без смены социально-экономической системы и, соответственно, курса всей макроэкономической политики в каждой из её составляющих: финансовой, кадровой, образовательной и т.д.

Все эти выводы и положения полностью приложимы и к реализации предложенной новой стратегии химизации на период до 2030 года. «Ну разве может быть, например, полноценным субъектом такой реализации сегодняшний выпускник бакалавриата?» – резонно сетовали ученые-химики. Да и бакалавров-химиков сегодня в Ярославском политехе выпускается вдвое меньше, чем инженеров-специалистов-химиков лишь несколько лет назад, а уж с советским временем и сравнивать страшно. Навязанная нам болонская система обрекает нас на лишь догоняющее развитие, не допуская обгоняющего, без которого нам просто не жить в сегодняшних условиях глобальной конкуренции [9]. Лозунг «Обгонять, не догоняя», выдвинутый архитектором китайских реформ Дэн Сяопином, успешно реализуется в КНР уже несколько десятилетий, но, к сожалению, игнорируется в РФ [10], отмечали участники семинара. Нам нужны полноценные специалисты-химики, умеющие обгонять конкурентов, а не хронически плетущиеся в хвосте без надежды когда-либо достичь уровня соперников.

Конечно, глядя на сегодняшний Ярославль, как типичное отражение произошедших во всей стране за последнюю четверть века изменений, можно в первом приближении усомниться в надобности даже и этой малой толики бакалавров. Ведь уже не существует первый в мире завод синтетического каучука, в восемь раз сократился по числу работающих и выпуску продукции дважды орденоносный бывший флагман советской шинной промышленности, в 30 раз «Резинотехника», разорилась половина прежнего производственного объединения «Лакокраска», а другая половина, на миг владельцем гордо названная «Русские краски», была вскоре продана им американцу Дюпону и влачит довольно жалкое существование. Правда, региональная власть позволяет себе гордиться созданным фармацевтическим кластером, да только слишком уж последний несопоставим по масштабам с величием химической составляющей советского индустриального Ярославля!

Так что же, вместе с армией чиновников испугаться громадности сегодняшней отсталости и ещё большей громадности завтрашних необходимых дел по осуществлению неоиндустриализации и новой химической стратегии? Но ведь это наши деды уже совершали подобную супергромадность индустриализации 1930-х, а наши отцы – химизации в 1960-1970-х годах! Ведь если оглянуться на события 1930-х годов, то нельзя не видеть, что Советский Союз перед индустриализацией в технико-экономическом отношении был отсталой страной. К тому же Советское государство находилось во враждебном окружении капиталистических стран, может, покруче сегодняшних западных санкций. А это требовало проведения индустриализации максимально быстрыми темпами. И при проведении индустриализации в СССР был взят и осуществлялся курс не на догоняющее развитие страны Запада, а обгоняющее их развитие, что было не просто субъективным пожеланием субъектов индустриализационного процесса, а объективной необходимостью, альтернативой для которой могла быть только гибель страны, её населения и экономики.

Важно отметить, что социалистическая индустриализация в СССР осуществлялась планомерно, благодаря разработке и реализации первого, второго и частично третьего государственных пятилетних планов развития народного хозяйства. В этом заключался один из секретов успеха тогдашнего индустриализационного проекта. В планомерности заключался и один из секретов успеха химической стратегии Л.А. Костандова – А.Н. Косыгина в 1960-1970-х годах. Сегодняшняя химическая стратегия, по мнению участников её обсуждения в Ярославском

политехе, тоже требует восстановления государственного централизованного планирования как обязательного условия успешности предстоящей российской индустриализации, в том числе и предложенной стратегии химизации на период до 2030 года.

Совершенно справедливо, считаем, высказывается экономистами мнение, что «Одной из важнейших причин наблюдаемого ныне торможения развития страны является потеря управляемости экономикой», что без государственного регулирования, носящего планомерный, конструктивный и созидательный характер, «... невозможны систематическая координационная деятельность и отслеживание перспектив развития, реализуемых посредством планирования, которое предназначено согласовывать стратегические намерения крупных корпораций с интересами мелкого и среднего бизнеса, всего народа, нацеливая на восстановление социального и экономического равновесия, утерянного в 1990-е гг. И потому едва ли допустимо по-прежнему сохранять такое положение, когда отсутствуют четко сформулированные цели и задачи государственного управления, которые, прежде всего, включают согласование интересов работников и общества, рационализацию экономики, т.е. её оптимальную организацию, создание наиболее благоприятных условий для функционирования хозяйствующих субъектов» [11, с. 27].

По этому поводу мы разделяем сожаление, которое выражает, например, И. Кац, о том, что «... в ходе реформ 1990-х гг. система планирования была полностью демонтирована, а богатое и во многом беспримерное наследие советской системы – утрачено. Между тем, подчеркнем, благодаря именно планомерному развитию СССР в кратчайшие сроки стал второй индустриально развитой державой в мире и первой в Европе, тогда как сейчас Россия занимает по ВВП последнее место в десятке передовых стран, а по промышленному производству из-за масштабной деиндустриализации даже не входит в их число» [11, с. 28].

В связи с этим поддерживаем, во-первых, предложение профессора О. Сухарева из Института экономики РАН – «... разработать и принять два базовых закона: о государственном планировании в Российской Федерации, где обозначить все виды планирования, организации, контроля и координации развития различных подсистем экономики, виды и согласованность планов и плановых заданий; о государственном секторе Российской Федерации, где обозначить размер, состав, масштаб, определение государственного сектора, задачи, цели развития, органы управления, государственного заказа, возможности приватизации и национализации, условия и критерии их проведения» [12, с. 11]. Во-вторых, предложение заместителя председателя правительства и министра финансов Удмуртской Республики В.В. Богатырева [13, 14, 15, 16] по разработке и реализации региональных и федерального социального Госплана для повышения эффективности управления социально-экономическими процессами в ходе неоиндустриализации.

Нельзя не согласиться с указанным и рядом других авторов в том, что задержка с такой разработкой и реализацией в условиях глобальной конкуренции отрицательно сказывается на стратегическом развитии РФ. У нас фиксируется деиндустриализация, «... производство товаров в России на душу населения в десятки раз ниже, чем в любой развитой стране. Мы серьезно не инвестируем в основной капитал уже более двадцати лет. Зато мы лидеры по доле торговли в ВВП. Если и так пойдет дальше, то скоро мы окажемся в доиндустриальной фазе» [16, с. 7].

Создание социального Госплана страны, считаем, объединит функции этого планового органа при решении сложных и масштабных задач новой индустриализации, в том числе химической стратегии, обеспечивая при этом лучшую согласованность в работе различных министерств и ведомств, связанных с обеспечением потребностей систем жизнеобеспечения населения страны и регионов. Хотя неоиндустриализация и реализация химической стратегии – высокотехнологическое перевооружение отраслей и комплексов народного хозяйства – представляет собой очень масштабную задачу, включающую политические, управленческие, организационные, бюджетные аспекты, но это все же не самоцель. Новая индустриализация представляется средством,

хотя и средством исключительной значимости, по отношению к тем социально-целевым ориентирам и стандартам, которых предстоит достичь, сосредоточивая усилия федеральных и региональных органов власти. Ведь в конечном счете прогрессивное развитие производительных сил страны должно служить всемерному подъему социальной сферы, неуклонному повышению качества удовлетворения личных и социальных потребностей человека. Эффективно согласовывать производственные и социальные начала, органически увязывая их друг с другом, и призван социальный Госплан страны и её регионов [16, с. 9-10]. Но, разумеется, началом начал таких планов должна быть выработка промышленной политики.

К сожалению, как отмечали участники обсуждения химической стратегии, закон о промышленной политике, на который возлагали большие надежды, в окончательном варианте оказался вовсе не соответствующим таким ожиданиям и надеждам. Фракция правящей партии в ходе прохождения чтений его в Думе превратила данный документ практически в политическую декларацию общего характера, а не конкретную программу действий правительства и руководителей предприятий по организации новой индустриализации и химической стратегии.

Далее считаем необходимым обратить внимание на то, что важным фактором успеха и характерной особенностью индустриализации СССР в предвоенные пятилетки и химизации в 1960-1970-х годах была общественная: государственная и колхозно-кооперативная – собственность на средства производства. Поэтому следует, на наш взгляд, обратить внимание на выдвинутое одной из думских партий в предвыборный период 2011 года требование национализации природных богатств, то есть некоторого пересмотра итогов проведенной в 1990-х годах приватизации. Как бы кому ни не нравилось такое требование, но в экономической теории уже достаточно убедительно, по нашему мнению, обоснованы и необходимость пересмотра итогов российской приватизации, и невозможность без этого условия какого-либо выхода национальной экономики из постигшего её тупика [17]. Немаловажно и признание президента В.В. Путина: «В обществе много говорят о том, что приватизация 1990-х гг. была нечестной. И я с этим полностью согласен...» [18].

Мы считаем, что совершенно правомерно, например, главный редактор журнала «Экономист» Министерства экономического развития и торговли РФ С.С. Губанов утверждает: «При существующих отношениях собственности трансформировать экономическую систему России прогрессивным образом невозможно. При господстве олигархической собственности, а она дезинтегрированная, немислимо получить цивилизованную и конкурентоспособную экономическую систему. Имплантировать такую тоже неоткуда. Купить на каком-то чудодейственном рынке опять же немислимо. Стало быть, все равно придется решать вопрос о собственности в пользу интегрированных форм.

В пореформенной России установлено господство дезинтегрированной формы собственности, вследствие чего мы физически не в состоянии добиться объединения добычи сырья с его индустриально-технологической переработкой в готовую конечную продукцию – наукоемкую, конкурентоспособную, с высокой добавленной стоимостью. Раз не можем соединить добычу с переработкой – значит, нет высокотехнологичных промышленных рабочих мест; раз нет высококласных рабочих мест – значит, сами их не создаем, и стало быть – у нас загублено производство средств производства; раз загублено производство высокотехнологичных машинных средств производства – значит, загублено машиностроение. А машиностроение выступает не только реципиентом достижений науки, инноваций, НИР и НИОКР, но и заказчиком, который оплачивает их. Без передового машиностроения нет смычки обрабатывающей промышленности с фундаментальной и прикладной наукой. Иначе говоря, без машиностроения нет и не бывает наукоемкого. Отсюда системно раскручивается вся цепочка технологической и социально-экономической деградации, вплоть до потери фундаментальной и прикладной науки, квалифицированных кадров, образования, здравоохранения, культуры, спорта...» [19, с. 9].

В связи с этим считаем правомерным согласиться с предложениями [20, с. 19] о национализации ведущих отраслей промышленности, изъятия их из сферы частного сектора. Фундаментальной основой экономики РФ должны стать стратегические отрасли: добыча и переработка полезных ископаемых, нефтегазовые и в целом энергетические отрасли, а также машиностроение, военно-промышленный комплекс и, конечно, железнодорожный, морской и авиационный транспорт, то есть стратегическая инфраструктура индустриализации. Мы в упомянутый перечень считали бы необходимым внести и химическую группу отраслей отечественной индустрии. А в остальных отраслях и сферах экономики государство обязано принудить и простимулировать частный бизнес на активнейшее участие в осуществлении неоиндустриализации и химизации.

Не можем в связи с этим не согласиться и с замечанием ведущего научного сотрудника Института экономики РАН С. Белозеровой о том, что «...в условиях господства частной собственности и сложившейся олигархической структуры капитала проведение масштабной высокотехнологичной модернизации в принципе немыслимо при минимизации участия государства и политике дерегулирования» [21, с. 22].

Заслуживает также внимания, по нашему мнению, предложение профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова К.А. Хубиева: «Надо определиться с принципиальным системным измерением. Либо правительство продолжит придерживаться сомнительной идеи «модернизации снизу» и напрасно ждать, когда предпринимательство соизволит заняться массовыми технологическими инновациями, либо пойдет на замену системы дерегулирования процессов расширенного воспроизводства. В том числе – на концентрацию в руках государства потребных для инновационных целей ресурсов и источников, принадлежащих ему по праву публичной власти: природные ресурсы, государственная собственность на доходы рентного и монопольного происхождения ... Государству следует провести акцию, соизмеримую по масштабам с приватизацией, только иной, индустриально-инновационной направленности. Все ранее приватизированные предприятия можно было бы объявить объектами инвестиционных конкурсов. Победителями могут быть как собственники, так и сторонние лица. Активы предприятий следует перераспределить в пользу инновационно мотивированных и инвестиционно состоятельных экономических субъектов. Одним из субъектов может быть и государство, когда ресурсы требуются для стратегических задач модернизации. Если победителями конкурсов становятся не собственники предприятий, то в этом случае производственные активы перераспределяются в пользу новых собственников, а старые собственники получают возмещение в размере средств, полученных от приватизации. ... Предлагаемая процедура касается только прежде приватизированных предприятий. Она не касается вновь созданных предприятий за счет негосударственных средств. Высказанное нами предложение, направленное на инновации и модернизацию, не радикальнее и не масштабнее идеи приватизации. И при условии принятия в качестве стратегической задачи на государственном уровне оно не менее реализуемо» [22, с. 19-21].

Таким образом, предложенная химическая стратегия, сделали вывод участники её обсуждения в Ярославском политехе, объективно необходима стране как средство обеспечения национальной безопасности и повышения конкурентоспособности отечественной экономики. Но она требует для своей реализации перехода к иной социально-экономической системе и новому курсу макроэкономической политики. Вопреки ничему не желающим менять чиновникам и согласным с ними поклонникам мейнстрима неоклассики в рядах ученых-экономистов, ссылающимся на несвоевременность этих изменений в условиях кризиса и санкций, мы поддерживаем тех, кто утверждает, что «Сегодня у России сохраняется шанс возродить отечественное производство, науку, культуру, образование и здравоохранение. Для реализации этого шанса нужна лишь политическая воля для радикального изменения экономической политики. Не нужно больших инвестиций, чтобы поставить на службу интересам России Центральный банк, средства массовой

информации и Интернет. Ещё один оптимистический фактор связан с тем, что в ответ на внешнее давление усиливаются процессы консолидации российской многонациональной цивилизации. Именно решение проблем укрепления основ отечественной цивилизации дает возможность решить все остальные проблемы, стоящие перед Россией» [23, с. 12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин В.В. Новая стратегия: Химия 2030. Высокие пределы сырья. Кластеризация. Химизация индустрии РФ / В.В. Бабкин, Д.Д. Успенский – М.: Издательство «Лица», 2015. – 222 с.
2. Кривякина В. Владимир Путин: Санкции не надо терпеть, их надо развернуть на пользу стране [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26368.4/3249222>
3. Гордеев В.А. Индустриализация в СССР: актуальные и неактуальные для РФ аспекты: монография / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 231с.
4. Гордеев В.А., Гордеев А.А. Методология исследования индустриализации в русле теоретической экономики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
5. Гордеев В.А. Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев // Труды Вольного экономического общества России. – 2012. – Том 163. – С. 194–208.
6. Гордеев В.А. Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика». – 2012. – Вып. 1. – С. 63–64.
7. Гордеев В.А. Образовательная составляющая отечественной индустриализации / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – №6. – С. 40–43.
8. Гордеев В.А., Гордеев А.А. Рынок труда в РФ: фактор или препятствие для новой индустриализации // Рынок труда, занятость, доходы: проблемы и тенденции развития. Материалы конференции. 24-26 апреля 2013 года. – Орёл: ПФ «Картуш», 2013. – 204с. – С. 38– 44.
9. Гордеев В.А. Повышение конкурентоспособности отечественной экономики как фактор развития современной России: взгляд с позиции теоретической экономики / В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – 2242 с. – С. 235-243.
10. Гордеев В.А. Сравнительная характеристика экономических реформ в КНР и РФ // Успехи и проблемы модернизации современного Китая: сборник тезисов докладов участников III Международной научно-практической конференции «Успехи и проблемы модернизации современного Китая» (к 110-летию со дня рождения Дэн Сяопина). «Великие экономисты и великие реформы» (Москва, 10-11 декабря 2014 г.) / под ред. Р.М. Нуреева, С.А. Просекова. – М.: Финансовый университет, 2014. – 308 с. – С. 146-149.
11. Кац И. О макроэкономическом планировании и системе управления экономикой /И. Кац // Экономист. – 2013. – №12. – С. 27-32.
12. Сухарев О. Реиндустриализация России: возможности и ограничения // Экономист. – 2013. – №3. – С. 6-12.

13. Богатырев В.В. О качестве и уровне жизни, системе жизнеобеспечения населения: связь с жизненными целями человека и качеством управления / В.В. Богатырев // Уровень жизни населения. – 2011. – №3. – С. 84-89.
14. Богатырев В.В. Госплан для региона / В.В. Богатырев // Стратегия России. – 2011. – №11. – С. 55-60.
15. Богатырев В.В. Национальная идея страны и система жизнеобеспечения населения / В.В. Богатырев // Экономист. – 2012. – №2. – С. 41-52.
16. Богатырев В.В. Актуальность создания социального госплана страны / В.В. Богатырев // Экономист. – 2013. – №11. – С. 3-10.
17. Глинкина С.П. Приватизация. Концепции. Реализация. Эффективность / С.П. Глинкина – М.: Наука, 2006. – 235 с.
18. Путин В. Нам нужна новая экономика [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah
19. Вторая индустриализация: проблемы России и международный опыт. // Экономист. – 2012. – №11. – С. 3-16.
20. Кучуков Р. Неоиндустриальная модернизация и роль государственного сектора / Р. Кучуков // Экономист. – 2013. – №6. – С. 16-25.
21. Белозерова С. Опыт советской индустриализации в контексте неоиндустриализации / С. Белозерова // Экономист. – 2012. – №6. – С. 22-38.
22. Хубиев К. Модернизация и отношения собственности / К. Хубиев // Экономист. – 2010. – №9. – С. 14-22.
23. Амосов А. Можно ли отложить до 2017 г. поворот к новому индустриальному развитию / А. Амосов // Экономист. – 2015. – №3. – С. 3-13.

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА СЦЕНАРИЕВ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВЕННОГО КОЛЕБАНИЯ ВНЕШНИХ ПАРАМЕТРОВ

Смолякова Мария Константиновна

кандидат экономических наук, доцент. ФГБОУ ДПО «Государственная академия промышленного менеджмента имени Н.П. Пастухова», кафедра информационных технологий в управлении (Ярославль)
Агентство «МАРКЕТ ГАЙД» (г. Москва), начальник отдела финансового и инвестиционного анализа
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: msmolyakova@gmail.com

Сухов Владимир Дмитриевич

кандидат химических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», проректор, заведующий кафедрой управления предприятием
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: sukhovvd@ystu.ru

Аннотация. В работе рассматриваются особенности анализа сценариев инвестиционных проектов в периоды, характеризующиеся высоким уровнем неопределенности внешней среды. Авторы обращают внимание на то, что в данных условиях, с одной стороны, возрастает роль методов экспертных оценок как инструментов экономического прогнозирования развития предприятия, но, с другой стороны, в долгосрочном периоде достоверность прогнозирования значительно снижается. Это приводит к необходимости более широкого ветвления дерева сценариев и увеличивает объемы предварительных аналитических процедур.

Ключевые слова: инвестиционный проект; финансовая модель; неопределенность; риск; анализ сценариев; дерево сценариев

Код УДК: 330.88

Annotation. The paper discusses the features of a scenario analysis of investment projects in periods characterized by a high level of uncertainty of the external environment. The authors draw attention to the fact that the circumstances on the one hand, the role of the Delphi method as a tool for economic forecasting the development of the enterprise, but on the other hand in the long term reliability of forecasting is greatly reduced. This leads to the need for wider tree branch scenarios and increases the volume of pre-analytical procedures.

Keywords: investment project; the financial model; uncertainty; risk; scenario analysis; tree scenarios

Происходящие в настоящее время стремительные перемены в экономике нашей страны приводят, в том числе, к необходимости пересмотра ряда аналитических процедур, связанных с анализом рисков инвестиционных проектов, с целью компенсировать существенно увеличившийся уровень неопределенности прогнозов, закладываемых в финансовые модели инвестиционных проектов.

Под финансовой моделью в данной работе понимается расчетный алгоритм, выполненный с использованием какой-либо из программ, предназначенных для финансовых расчетов и обоснования инвестиций (Project Expert, MS Excel и т.д.). На текущем этапе развития информационных технологий уже невозможно представить процесс подготовки технико-экономического обоснования инвестиционного проекта отдельно от составления финансовой модели.

Финансовые модели настолько распространены в экономической практике, что многие финансовые институты устанавливают собственные требования к финансовым моделям, предоставляемым при обосновании проектов. Например, Внешэкономбанк устанавливает следующие виды требований [1]:

- требования к функциональным возможностям финансовой модели;
- требования к составу исходных данных (допущений) финансовой модели;
- требования к составу результатов финансовых прогнозов;
- методические указания по составлению финансовых прогнозов;
- оценка устойчивости финансовых показателей (коэффициентов);
- требования к описанию финансовой модели.

В основе финансовой модели проекта лежит множество параметров от всех участников проекта, что схематично отражено на рис. 1. При таком количестве исходных переменных велика вероятность изменения каких-либо входных параметров и соответственно изменения итогового результата, итоговых параметров эффективности проекта.

Причем зачастую исходные параметры финансовой модели являются взаимосвязанными и изменение одного входного параметра приводит к необходимости пересмотра ряда других. Например, замена поставщика оборудования может привести к изменению не только стоимости оборудования, но и к изменению сроков исполнения обязательств, затрат на доставку оборудования, его обслуживание, обучение персонала, к изменению сроков начала продаж, графика платежей, потребностей в финансировании и ряд других параметров.

Общий подход к оценке эффективности проекта на этапе анализа рисков заключается в том, чтобы удостовериться, что величина чистой приведенной стоимости (NPV) сохраняет свое положительное значение при всех или, в крайнем случае, при большинстве учитываемых изменений исходной информации проекта [2].

Для количественной оценки рисков и устойчивости показателей эффективности инвестиционных проектов применяется в первую очередь метод анализа чувствительности, который заключается в оценке степени воздействия изменения ключевых параметров проекта на результаты финансовых прогнозов. К ключевым параметрам проекта относятся допущения (исходные данные) финансовой модели, фактические значения которых в ходе реализации проекта (ввиду невозможности их точной оценки или присущей им волатильности) могут значительно отклониться от значений, заложенных в финансовую модель. Согласно международным стандартам бизнес-планирования (UNIDO, TACIS, BFM Group, KPMG, EBRD), анализ чувствительности является неотъемлемой составляющей бизнес-планов.

Еще одним количественным методом оценки рисков проекта является анализ сценариев. Он позволяет оценить комплексное влияние отдельных показателей внешней и внутренней среды и позволяет учесть неопределенность, возможную неполноту и неточность информации об условиях реализации проекта, которые, возможно, приведут к негативным последствиям для участников проекта и получить достаточно наглядную картину для различных вариантов реализации проектов.

Рис. 1. Информационное наполнение финансовой модели основными участниками

Основное отличие анализа сценариев от анализа чувствительности заключается в том, что при анализе сценариев можно согласованно менять некоторое число переменных одновременно и даже вносить некоторые новые параметры, в то время как при анализе чувствительности изменения затрагивают какой-либо один исследуемый параметр.

В периоды со средним или низким уровнем неопределенности внешней среды некий наиболее вероятный вариант развития событий принимается за базовый сценарий, производятся по нему все основные расчеты эффективности инвестиционного проекта. Затем для каждого из сценариев вносят предполагаемые, с точки зрения разработчиков проекта, изменения и рассчитывают показатели экономической эффективности проекта. Обычно в методических указаниях и шаблонах бизнес-планов, предоставляемых банками, рекомендуется просчитать 3-5 вариантов развития событий (сценариев), описать причины возможных изменений и мероприятия по реагированию. Поэтому чаще всего в бизнес-плане приводятся три основных сценария, в которых объединяются и макроэкономические параметры, и параметры маркетинговых стратегий, и параметры наиболее вероятных инновационных/технологических/организационных решений:

- **базовый** – наиболее вероятный сценарий развития ситуации. По нему приводятся подробные расчеты и выводы в тексте самого бизнес-плана;
- **умеренно-оптимистический** – сценарий, при котором макроэкономические и маркетинговые показатели проекта имеют более высокие (но при этом достижимые, обоснованные, а не фантастические) значения, чем наиболее вероятные;
- **умеренно-пессимистический** – обычно наиболее интересный для инвесторов сценарий, при котором макроэкономические и маркетинговые показатели проекта имеют более низкие (но не провальные) значения, чем наиболее вероятные. Например, уровень загрузки мощностей не выше $X\%$ от проектируемой в базовом сценарии мощности, цены падают (т.е. включается конкурентная борьба) на $Y\%$ от текущих, ставка дисконтирования не менее $Z\%$.

Кроме того, могут рассматриваться также дополнительные сценарии (1-3) реализации проекта, например:

- базовый сценарий с **задержками сроков** в критических этапах графика проекта (а значит и с увеличением инвестиционных затрат на $X\%$, а также изменение условий финансирования (сроков, сумм, процентов и т.д.);
- базовый сценарий с **критическим изменением технологий или бизнес-процессов** (например, увеличение проектной мощности на $X\%$, стоимости оборудования на $Y\%$ от проектного уровня, а также сроков строительства на Z месяцев) и т.п.

Согласно Методическим рекомендациям по оценке эффективности инвестиционных проектов [3], проект считается устойчивым, если **при всех сценариях он оказывается эффективным и финансово реализуемым**, а возможные неблагоприятные последствия устраняются мерами, предусмотренными организационно-экономическим механизмом проекта. При этом важно подчеркнуть, что если какой-то из сценариев дает негативные показатели эффективности, которые невозможно компенсировать другими организационно-экономическими мероприятиями, то необходимо для каждого из сценариев определить возможные варианты выхода участников из проекта с минимальными потерями для экономики и экологии региона.

В научной и методической литературе разработан классический алгоритм реализации анализа сценариев. Его основные этапы [4] представлены ниже (рис. 2).

Рис. 2. Классический алгоритм сценарного анализа

Как видно из схемы, в условиях значительного колебания внешних макроэкономических параметров самое слабое место в данном алгоритме – это этап определения вероятности каждого сценария методом экспертных оценок. С одной стороны, в условиях турбулентной и нестабильной окружающей среды возрастает роль методов экспертных оценок как инструментов экономического прогнозирования развития предприятия, но, с другой стороны, в долгосрочном периоде достоверность прогнозирования значительно снижается [5]. Быстрые темпы изменений не позволяют с высокой точностью прогнозировать будущее и даже опытные эксперты затрудняются производить оценку вероятностей того или иного сценария.

И в этом случае возникает не только потребность более тщательной обработки результатов экспертных оценок, но и вынужденная необходимость в расчете большего количества сценариев практически на равных, т.к. затруднительно определить, какой из сценариев следует рассматривать в качестве базового. Инициаторы проекта в такой ситуации хотят убедиться, что предусмотрели максимальное количество возможных сценариев и если что-то пойдет не так, то для всех негативных сценариев предусмотрен «запасной выход» в виде комплекса мер по компенсации последствий или выходу из проекта.

Ниже приведен пример более широкого ветвления при формировании дерева сценариев в условиях значительного колебания исходных параметров (рис. 3). При этом не следует забывать, что сценарные условия, рассматриваемые при построении дерева сценариев, зачастую накладываются друг на друга, создавая многомерный массив, и общее количество сценариев определяется перемножением количества сценарных условий по каждому типу. Например, если мы имеем два типа сценарных условий: 3 сценария по параметрам внешней среды и 2 сценария по используемым технологическим решениям, то суммарно, мы получаем 6 сценариев:

- оптимистический сценарий + базовая комплектация оборудования;
- оптимистический сценарий + расширенная комплектация оборудования;
- базовый сценарий + базовая комплектация оборудования;
- базовый сценарий + расширенная комплектация оборудования;
- пессимистический сценарий + базовая комплектация оборудования;
- пессимистический сценарий + расширенная комплектация оборудования.

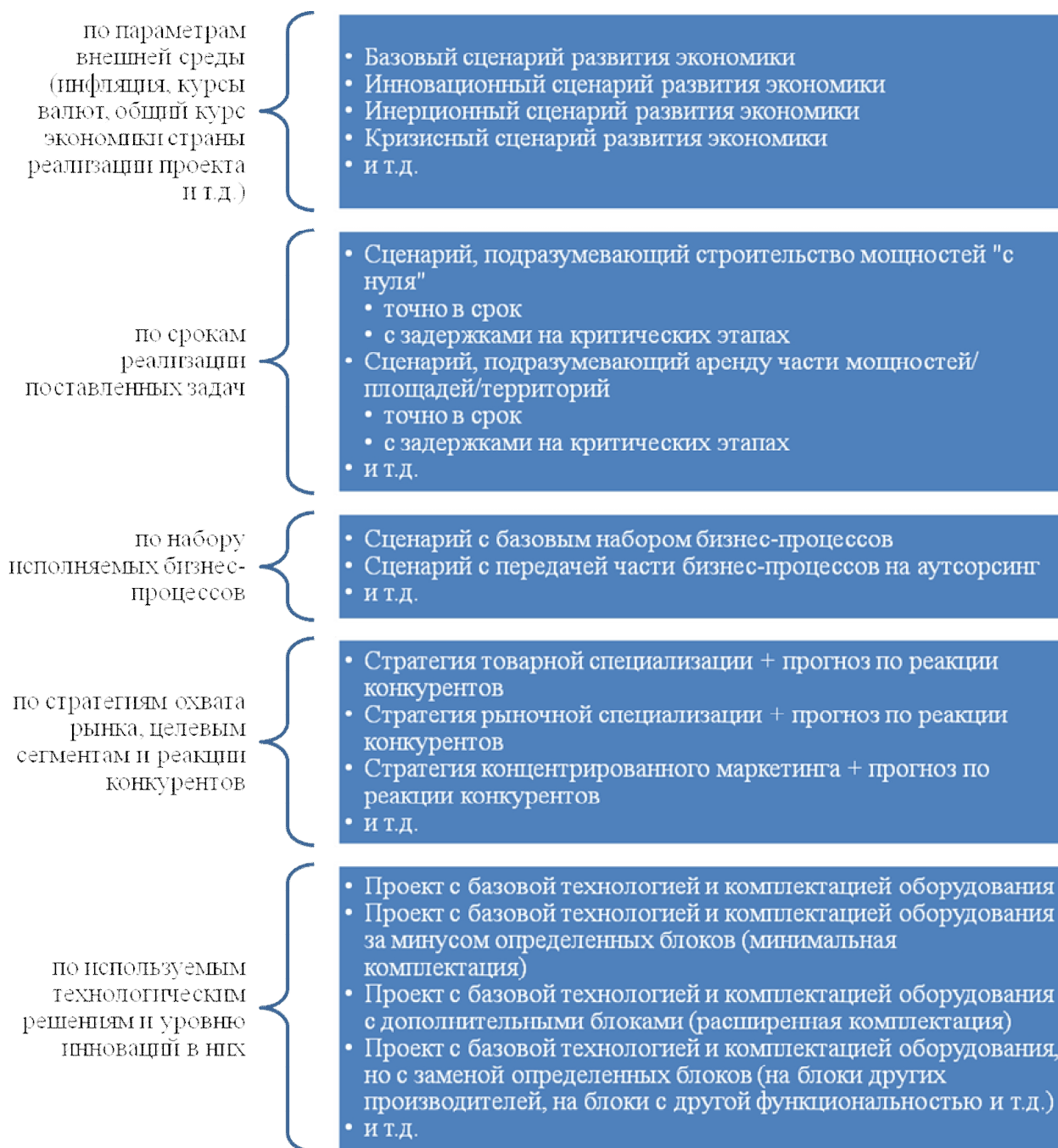

Рис. 3. Пример формирования дерева сценариев

Так как в рассматриваемом выше гипотетическом примере (рис. 3) предлагается рассмотреть: 4 сценария по параметрам внешней среды, 3 сценария по стратегиям охвата рынка, 4 сценария по используемым технологиям, 2 сценария по набору исполняемых бизнес-процессов и 4 сценария по срокам реализации поставленных задач, то в случае, если все сценарные условия непротиворечиво накладываются друг на друга, общее количество рассматриваемых сценариев будет равно 384.

С одной стороны, для финансовых аналитиков не составляет особого труда рассчитать показатели эффективности для такого количества сценариев, используя современные технологии (и в первую очередь MS Excel). Тем более специальным образом выстроенная финансовая модель может включать в себя информацию обо всех сценариях одновременно, что снижает трудозатраты на поддержание версий при внесении изменений в финансовую модель.

Но вот анализировать полученные в результате вычислений данные по такому большому количеству сценариев уже сложнее. Лица, принимающие решения на стороне инициаторов проекта, не заинтересованы в рассмотрении такого большого количества сценариев, т.к. чаще всего они не обладают достаточным временным ресурсом. Получение необработанной достаточным образом информации по такому большому количеству сценариев не только не снижает уровень неопределенности у лиц, принимающих решения, но и наоборот, увеличивает её, затрудняя принятие решений. И в этом случае необходимы дополнительные аналитические процедуры, связанные с предварительной обработкой всего массива сценариев (группировка, ранжирование, статистическая обработка и т.д.).

Кроме того, для преодоления сложностей, связанных с необходимостью анализа большого количества сценариев, можно использовать механизм многоэтапного планирования инвестиций, т.е. пошагово рассматривать некоторые наборы сценариев с целью отметить наименее интересные/вероятные. Например, сначала зафиксировать в качестве базовых все внешние условия и рассмотреть только сценарии с внутренними переменными факторами (технология, состав бизнес-процессов, варианты графиков реализации и т.п.).

На практике широкое ветвление на сценарии характерно не только для периодов со значительным колебанием внешних параметров, но и для других периодов на начальных уровнях проектирования и со временем количество сценариев обычно уменьшается. Это обусловлено в первую очередь тем, что инициаторы проекта в его ходе разработки делают выбор в пользу определенных технологий, начинают разрабатывать более детальные проекты и планы, проводить более глубокие изыскания по определенным направлениям. А это обуславливает в итоге выбор технологических решений и впоследствии определяет или, по крайней мере, уменьшает количество стратегий маркетинга.

Таким образом, в условиях значительных экономических преобразований и свойственных им колебаниям внешних параметров в связи со сложностями в работе экспертов по определению вероятностей реализации тех или иных сценариев инициаторы проектов отдают предпочтение более разветвленной структуре сценариев. Это приводит к необходимости проведения дополнительных аналитических процедур, связанных с предварительной обработкой всего массива сценариев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общие требования к оформлению документов, представляемых в банк в рамках рассмотрения проектных предложений. Официальный сайт Внешэкономбанка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vneb.ru/strategy/invest/#doc>. – Дата доступа: 23.06.2015.

2. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия /Е.Е. Румянцева. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 882 с.
3. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция) : официальное издание / Мин-во экономики РФ, Мин-во финансов РФ, Гос. комитет РФ по строительной, архитектурной и жилищной политике ; рук. авт. кол.: В.В. Коссов, В.Н.Лившиц, А.Г. Шахназаров. – М.: Экономика, 2000. – 421 с.
4. Дмитриев М.Н. Методы количественного анализа рисков инвестиционных проектов / М.Н. Дмитриев, С.А. Кошечкин // Экономика строительства. – 2011. – №5. – С.23.
5. Корнилова А.Ю. Проблемы применения методов экспертных оценок в процессе экономического прогнозирования развития предприятия/А.Ю. Корнилова, Т.Ф. Палей // Проблемы современной экономики. – 2010. – №3 (35). – С. 18.

МОДИФИКАЦИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ БАНКОВСКОГО РЫНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Кладова Анна Анатольевна

соискатель ученой степени кандидата экономических наук. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: kladova.aa@yandex.ru

Аннотация. Статья освещает необходимость системного подхода к определению сущности и структуры конкурентной среды рынка. Представлен обзор подходов к определению конкурентной среды рынка, на основе которого сформулировано авторское определение сущности и структуры данной категории. Сформулировано авторское определение сущности и структуры конкурентной среды банковского рынка. Выделены ключевые аспекты модификации конкурентной среды российского рынка банковских услуг.

Ключевые слова: конкуренция; конкурентная среда; банковский рынок; подконтрольные государству банки; инсайдеры; аутсайдеры; методы конкуренции

Код УДК: 330.88

Annotation. The article covers the necessity of a systemic approach to defining the essence and the structure of a market's competitive environment. A brief review of approaches to defining the essence of competitive environment is presented, on the base of which an author's definition of the essence and the structure of the category is worded. An author's definition of the essence and the structure of a banking market's competitive environment is worded. The key aspects of the modification of the banking market's competitive environment in Russia are allotted.

Keywords: competition, competitive environment, banking market, state-controlled banks, insiders, outsiders, methods of competition

Сегодня мы, как и абсолютное большинство отечественных исследователей, не удовлетворены социально-экономической ситуацией в нашей стране. На наш взгляд, совершенно правомерно, например, директор института экономики РАН Р.С. Гринберг констатирует: «Мы наблюдаем явное затухание экономической активности, потребительского спроса и заметное сокращение занятости. Нет хозяйственной активности – она зажата. Более того – повышением процентной ставки она просто убивается. Имеет место полная неопределенность игроков, как предприятий, так и людей.

К тому же страна лишена привычного доступа к относительно дешевой ликвидности. Глубокий экономический кризис, скорее всего, нам обеспечен. Наш институт предполагает, что ВВП снизится на 3,5-4%, но есть и более пессимистические оценки» [10, с. 8].

Что делать в этой ситуации? В значительной степени, считаем, нельзя не согласиться с С.С. Губановым, который утверждает: «Формула развития России объективно обоснована и научно установлена: *неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция*».

В соответствии с данной формулой новая индустриализация, или короче – неоиндустриализация, требует принципиально нового решения вопроса о собственности. Поскольку это общесистемный вопрос, новое его решение – в пользу новой формы собственности – органически связано с обретением новых форм организации экономики, новой модели планирования и планового регулирования пропорций общественного воспроизводства, новых стимулов повышения производительности труда и трудосбережения, новой движущей силы развития, в общем – новой социально-экономической системы» [8, с. 7]. Но нетрудно видеть, что для реализации такой формулы развития нашей стране требуется коренная смена курса всей макроэкономической политики. В том числе и в переосмыслении отношения к оценке и использованию сегодня советского опыта индустриализации, на что довелось обратить внимание одному из нас [5].

В том числе такая смена курса предполагает и переориентацию кредитно-денежной политики РФ, что от исследователей, в свою очередь, требует теоретической проработки проблем, связанных с банковской сферой в стране. Одной из таких проблем представляется изучение модификации конкурентной среды банковского рынка РФ, на что и нацелена данная наша работа.

Как известно, конкуренция как социально-экономический феномен и специфика ее проявления в отдельных отраслях и на отдельных рынках является объектом научных исследований в рамках многих отраслей знания. Экономическая наука осветила данный вопрос в рамках различных школ экономической мысли, причем глубина и полнота такого освещения росли по мере усложнения и развития самой конкуренции в тех или иных конкретно-исторических формах ее проявления.

Наиболее системное осмысление сущности, целей, субъектного состава, функций конкуренции и особенностей ее эволюции в настоящее время предлагает, по нашему мнению, теоретическая экономия. Она предполагает полиметодологический подход к исследованию экономических категорий. В том числе использование политэкономической концепции конкуренции и ее развития для изучения её сущностно-содержательной стороны [6, 7]. И в то же время не отвергает элементов неоклассической и институциональной методологий при рассмотрении в основном формы проявления конкуренции и её динамики. С позиции политэкономической концепции под конкуренцией понимается производственное отношение, складывающееся в условиях рынка между хозяйствующими субъектами на основе их стремления к максимизации прибыли и проявляющееся в их преимущественно антагонистическом взаимодействии с целью занять наилучшее и устойчивое положение на рынке [4, с. 160-184]. Специфика указанного производственного отношения внешне проявляется, в первую очередь, в характерной для того или иного рынка конкурентной среде.

Банковский рынок, будучи, с одной стороны, ключевым элементом финансовой инфраструктуры национальной экономики, а с другой – фактором, во многом обуславливающим направления и параметры протекания экономических процессов в стране, представляет собой объект значительного научного интереса. Сущность конкуренции на данном рынке, проявляющаяся на поверхности в форме специфической конкурентной среды, как правило, исследуется с позиций мейнстрима неоклассической теории, тогда как выполненные в рамках иных концепций или в

рамках системного подхода работы являются существенно более редкими. При этом традиционным для посвященных изучению банковской конкуренции работ является акцент на математической оценке ее уровня на том или ином рынке посредством структурных или неструктурных моделей и методов. Трактовки полученных по итогам расчетов значений показателей отличаются определенной узостью и отсутствием возможностей «тонкой настройки» применительно к специфическим рынкам. Кроме того, подобный подход нередко оставляет за рамками изучения и, следовательно, оценки значительную часть элементов конкурентной среды исследуемых рынков, что не может не приводить к некоей искусственности формулируемых по итогам таких исследований выводов.

Данная проблема актуальна и для исследования банковской конкуренции в России, поскольку в большинстве посвященных данному вопросу научных работ не раскрыты либо лишь поверхностно затронуты институциональные характеристики этого специфического рынка. Как правило, не рассматриваются в них и особенности трансформации, модификации конкурентных отношений на российском рынке банковских услуг, не оцениваются факторы, движущие силы такой модификации, отсутствует системный взгляд на внешнее проявление сущности конкуренции в указанном секторе. В связи с этим целью настоящей статьи является попытка преодоления отмеченных недостатков применительно к исследованию модификации конкурентной среды российского банковского рынка. Достижение данной цели предполагает решение таких задач, как определение сущности и структуры конкурентной среды банковских рынков и выделение ключевых аспектов модификации конкурентной среды рынка банковских услуг в России.

Категория «конкурентная среда» трактуется экономической наукой неоднозначно. Так, У.Ж. Алиев и Ж.Е. Шимшиков рассматривают конкурентную среду как «совокупность всех внешних по отношению к конкурирующей системе условий, факторов и норм, предопределяющих ее реальное поведение, структуру и функции» [1, с. 31]. При этом указанные авторы разграничивают «общую конкурентную среду», одинаково воздействующую на все конкурирующие системы, являющуюся частью институциональной среды и включающую в свою структуру типы и формы собственности, типы и состояние рыночной структуры, состояние рыночной инфраструктуры и т.п., и «специфическую конкурентную среду» как совокупность присущих конкретному рынку (отрасли) факторов, в том числе численность и динамику конкурирующих субъектов, численность покупателей товаров и услуг, рекламную деятельность конкурирующих субъектов и т.п.

Несколько иной взгляд на сущность и структуру конкурентной среды предлагается Е.А. Павловой, рассматривающей конкурентную среду как «совокупность рыночных конкурентных отношений между субъектами рынка по их участию в создании условий, обеспечивающих реализацию своих конкурентных преимуществ» [13, с. 6]. При этом в структуру конкурентной среды автор включает такие элементы, как рыночные условия взаимодействия субъектов, участников рынка – продавцов и покупателей, конкурентные преимущества фирм и выпускаемых ими товаров [13, с. 7].

По мнению А.А. Жука, конкурентная среда – это «совокупность конкурентных взаимодействий рыночных агентов, направленных на получение конкурентных преимуществ и их максимально выгодную реализацию на рынке, координируемых установленными на каждом конкретном отраслевом рынке институциональными ограничениями» [5, с. 19]. Рассматривая конкурентную среду через призму институционального подхода, автор раскрывает разнообразные взаимодействия ее субъектов через очерченные ключевыми институтами данной среды рамки. К ключевым институтам конкурентной среды А.А. Жук относит право частной собственности, предпринимательство, финансы, институт экономических контрактов и институт антимонопольного регулирования рынка [5, с. 19].

Таким образом, наиболее общим для столь различных подходов к определению сущности конкурентной среды является рассмотрение ее как совокупности взаимосвязанных элементов, функционирующих в определенных рамках, которые, как правило, задаются экзогенно. Однако то, что именно следует понимать под этими элементами, а также то, каков очерчивающий их функционирование «каркас» и благодаря чему он формируется и поддерживается, трактуется учеными по-разному.

По нашему мнению, конкурентная среда в самом общем виде может быть рассмотрена как совокупность внешних проявлений сущностных характеристик конкуренции, присущей тому или иному рынку в определенный период времени. Взгляд на внешнее проявление конкуренции через призму теоретической экономики предполагает органичное сочетание элементов неоклассического и институционального подходов, однако – и в этом его ключевая особенность – не является механическим их соединением, а имеет в своей основе трактовку сущности конкуренции с позиций политэкономии. В связи с этим в отличие от традиционного для неоклассиков представления о конкуренции как о результате конкурентной борьбы, сущность и внешнее проявление которого допустимо исследовать в статике, теоретической экономики ближе подход И. Кирцнера, согласно которому «конкуренция – не ситуация, а живой процесс» [11, с. 95]. По мнению И. Кирцнера, в статическом состоянии равновесия нет места деятельности, направленной на то, чтобы превзойти усилия других по удовлетворению желаний рынка, и, соответственно, неоклассические модели конкуренции, будучи равновесными моделями, представляют собой ситуации, в которых, как предполагается, уже достигнуты результаты соответствующих процессов, а конкуренция, по сути, отсутствует [11, с. 36, 97]. Опираясь на сущностную характеристику конкуренции как процесса, мы рассматриваем конкурентную среду как постоянно трансформирующуюся внешнюю сторону преимущественно антагонистических производственных отношений между хозяйствующими субъектами на основе их стремления к максимизации прибыли и к обеспечению наилучшего и максимально устойчивого положения на рынке. Трактующая таким образом конкурентная среда в качестве своих основных элементов имеет не факторы (они, с нашей точки зрения, играют роль «каркаса» конкурентной среды), а фактически сложившиеся параметры субъектного состава конкурентной борьбы на данном рынке, совокупность методов конкуренции, применяемых субъектами, а также объект конкуренции, понимаемый как сложная многоаспектная категория, по поводу которой субъекты вступают в антагонистические производственные отношения.

Применяя данный подход к банковской сфере, мы предлагаем рассматривать конкурентную среду рынка банковских услуг как систему конкурентных взаимодействий субъектов банковского рынка по поводу максимизации ими своей прибыли и обеспечения наилучшего и устойчивого положения на данном рынке посредством использования комплекса методов конкурентной борьбы. Исходя из приведенного определения, в структуру конкурентной среды банковского рынка следует включать следующие составляющие:

- присутствующие на данном рынке коммерческие банки как субъекты конкурентной среды;
- максимальная прибыль коммерческого банка, а также достижение и поддержание его наилучшего и устойчивого положения на рынке как объекты конкурентной среды;
- методы конкуренции коммерческих банков как внешнее проявление сущности конкурентных взаимодействий субъектов.

Опирающиеся на том или ином рынке коммерческие банки могут исследоваться как единая совокупность субъектов конкурентной среды, как отдельные категории субъектов, выделяемые по различным признакам (например, по размеру совокупных активов, по размеру чистых активов, по типу собственника, по территории присутствия или масштабам деятельности и т.д.), а также как отдельные самостоятельные субъекты конкурентной среды данного рынка. При этом, с нашей точки

зрения, как в случае исследования отдельного банка, так и в случае исследования конкурентных взаимодействий той или иной совокупности коммерческих банков следует опираться на методологический индивидуализм, рассматривая субъектов конкурентной среды как рациональных индивидов, действующих в условиях ограниченности информации.

Как любой целенаправленный процесс, конкуренция и, следовательно, ее внешнее проявление в форме конкурентной среды осуществляется по поводу конкретного объекта. Отталкиваясь от политэкономической концепции конкуренции и ее развития, мы полагаем, что, как и в общем случае конкуренции, антагонистические конкурентные взаимодействия субъектов конкурентной среды банковского рынка имеют своим объектом максимально достижимые для них в текущих условиях уровень прибыли и степень устойчивости их рыночного положения.

Арсенал методов конкуренции, выделенный и описанный экономической наукой, чрезвычайно широк и в рамках мейнстримовых концепций предполагает классификацию на прямые и косвенные, ценовые и неценовые, добросовестные и недобросовестные методы и т.д. Конкретный набор этих методов, используемый тем или иным субъектом или группой субъектов конкурентной среды банковского рынка, определяется, по нашему мнению, той ролью, которая характерна для данного субъекта (группы субъектов). В экономической литературе субъектов конкурентной среды иногда делят на два крупных блока: инсайдеров и аутсайдеров. К первым относят хозяйствующих субъектов, занимающих прочные рыночные позиции и являющихся лидерами в сфере конкурентных взаимодействий. Совокупности инсайдеров как ядру конкурентной среды принадлежит подавляющая доля рынка, которая сбалансированно распределена между ними. К группе аутсайдеров относят хозяйствующих субъектов, которые в силу недостатка своих конкурентных преимуществ не могут претендовать на прочные и устойчивые рыночные позиции [2, с. 89].

Таким образом, добившись благодаря своим конкурентным преимуществам устойчивого лидирующего положения на том или ином рынке, инсайдеры конкурентной среды, очевидно, будут использовать ту или иную совокупность косвенных методов конкурентной борьбы, оптимальным образом способствующую поддержанию и усилению их текущего статуса. Аутсайдеры же, следуя данной логике, будут вынуждены задействовать как косвенные, так и более агрессивные прямые методы конкурентной борьбы, поскольку для них в содержание объекта конкурентной среды входит более широкий спектр целей. Применительно к рынку банковских услуг инсайдерами, как правило, являются крупные по объему активов банки, присутствующие на большей части данного рынка, тогда как к блоку аутсайдеров банковского рынка можно отнести мелкие периферийные кредитные организации.

Предлагаемая нами трактовка сущности конкурентной среды банковского рынка и ее структуры может производить впечатление чересчур узкой, поскольку в ее состав не включены структура рынка, конкурентоспособность и конкурентные преимущества оперирующих на банковском рынке хозяйствующих субъектов, институциональные особенности и географические лимиты данного рынка, а также многие другие элементы и факторы, выделенные в рамках описанных выше подходов. Однако исключение нами указанных факторов и параметров из структуры конкурентной среды обусловлено тем, что эти и иные факторы и параметры рассматриваются нами как своеобразные границы, осто́в, каркас конкурентной среды. И в этом смысле мы можем говорить об экзогенном каркасе конкурентной среды банковского рынка, к которому, в частности, следует относить институциональные особенности национальной экономики (например, описанные А.А. Жуком [9, с.19]), и эндогенном каркасе, формируемом отраслевыми особенностями данного банковского рынка и спецификой (прежде всего, с точки зрения конкурентных преимуществ, роли инсайдера или аутсайдера) конкретных функционирующих на нем коммерческих банков. Очерченные таким образом внешние и внутренние границы

антагонистических конкурентных взаимодействий коммерческих банков определяют пределы конкурентной среды как «пространства конкуренции» [14, с. 116] на данном рынке.

Конкурентная среда банковского рынка России, очерченная, в первую очередь, экзогенными институциональными особенностями российской экономики, существенным образом отличается от предложенной нами общей модели конкурентной среды рынков банковских услуг. В частности, ключевой из указанных особенностей является унаследованная от изначально чрезвычайно монополизированной административно-командной экономики высокая доля государства в ведущих отраслях и сферах. Отечественный банковский сектор – не исключение, как ввиду исторических причин, так и ввиду текущей несбалансированной структуры национальной экономики и экономических последствий острой ситуации в сфере международных отношений нашей страны.

По оценкам ученых, к началу 2014 г. рыночная доля подконтрольных государству банков в активах российского банковского сектора приблизилась к 60% [3, с. 14]. В состав указанной категории банков включаются банки с прямым и косвенным участием государства в лице органов государственной власти и местного самоуправления или, иными словами, государственные банки и их дочерние и «внучатые» структуры (банки, чей капитал на 50% и более сформирован средствами государственного происхождения). При этом основной тенденцией развития отечественного банковского сектора в этом плане является систематическое расширение государственного присутствия на нем: только с 2007 г. по 2010 г. доля контролируемых государством банков в совокупных активах российского банковского сектора выросла на 10 п.п. [3, с. 16].

Согласно результатам проведенного нами по методике Панзара-Росса неструктурного эмпирического исследования на основе выборки из двухсот банков, совокупные активы которых в 2013 г. составили 91,6% от активов российского банковского сектора, группе подконтрольных государству банков не свойственна антагонистичность рыночных взаимодействий. Числовое значение рассчитанного показателя Н-статистики для данной группы составило $-0,45$, что указывает на наличие между входящими в ее состав коммерческими банками монополистического соглашения – картеля [12, с. 197].

Поскольку основной целью картеля является увеличение прибыли посредством устранения, ограничения и регламентации конкуренции внутри картельного объединения и подавления внешней конкуренции со стороны фирм, не участвующих в данном соглашении, речь о какой-либо антагонистичности в производственных отношениях между рассматриваемыми банками идти не может. Следовательно, указанные кредитные организации могут рассматриваться в качестве воплощения государства как единого субъекта конкурентной среды, находящегося в антагонистичных производственных отношениях по поводу максимизации прибыли и упрочения своей рыночной позиции с прочими субъектами конкурентной среды отечественного банковского рынка.

К прочим субъектам конкурентной среды банковского рынка в России по признаку собственника мы относим контролируемые национальным и иностранным частными капиталами кредитные организации, которые, с одной стороны, находятся в состоянии антагонистических конкурентных взаимодействий с другими банками внутри своей категории, а с другой – осуществляют аналогичные взаимодействия и с банками остальных категорий.

Естественным следствием формирования и поддержки государством блока подконтрольных ему банков как единого субъекта конкурентной среды является положение лидерства (то есть статус инсайдера) на банковском рынке России, присущее данному блоку, и, таким образом, центральная роль (роль ядра) указанных банков на рассматриваемом рынке. Обеспеченные данным статусом конкурентные преимущества как всего блока в целом, так и его отдельных составляющих обуславливают отсутствие необходимости в применении ими агрессивных прямых методов

конкурентной борьбы, в том числе методов ценовой конкуренции. Арсенал методов конкурентной борьбы государства как субъекта конкурентной среды российского рынка банковских услуг, с одной стороны, представлен разнообразными имиджевыми, коммуникативными методами, а с другой – совершенно не доступными иным субъектам методами «зачистки» сектора посредством предпринимаемых отраслевым мегарегулятором мер, практически нелимитированной финансовой поддержки ведущих игроков банковского рынка и рядом иных. Указанные методы являются поистине уникальными, поскольку в принципе освобождают подконтрольные государству банки от необходимости предпринимать действия по вытеснению соперников с рынка.

Методы конкурентной борьбы, используемые прочими субъектами конкурентной среды российского банковского рынка, можно дифференцировать в зависимости от того, с какой категорией субъектов осуществляются их конкурентные взаимодействия. Так, в ситуации конкурентных взаимодействий с государством в лице подконтрольных ему банков применение методов ценовой конкуренции является малоэффективным в силу прочно укоренившегося в менталитете россиян образа непоколебимой надежности банков с государственным участием. Столь мощное неценовое конкурентное преимущество банков государственного блока, столь кардинальная дифференциация предлагаемого этими банками продукта, по сути, делают их монополистами, с точки зрения теории несовершенной конкуренции [16, с.117]. В связи с этим методы ценовой конкуренции на практике могут применяться прочими субъектами конкурентной среды данного рынка лишь в рамках взаимодействия с поставщиками продуктов-субститутов. К таким поставщикам относятся, по нашему мнению, входящие в одну категорию по величине активов и типу собственника кредитные организации. Предлагая продукты-субституты, указанные кредитные организации действуют на некоем «квазирынке», в пределах которого стратегии ценовой конкуренции могут оказаться эффективными. У банков из государственного блока и иных субъектов конкурентного поля общие «квазирынки» такого рода, как мы полагаем, практически отсутствуют.

Таким образом, конкурентная среда банковского рынка представляет собой систему конкурентных взаимодействий субъектов рынка банковских услуг по поводу максимизации ими своей прибыли и обеспечения наилучшего и максимально устойчивого положения на данном рынке с использованием комплекса методов конкурентной борьбы. При этом отдельные элементы указанной системы имеют ярко выраженные национальные особенности, определяемые экзогенным и эндогенным каркасами конкурентной среды, которые формируются институциональными, отраслевыми и индивидуально-специфическими факторами национальной экономики, сектора и субъекта конкурентной среды соответственно.

Экзогенный каркас конкурентной среды российского рынка банковских услуг – ведущий фактор модификации ее субъектного состава, ядром которого является государство в лице подконтрольных ему банков, и применяемого субъектами комплекса методов конкурентной борьбы. В связи с этим государство, на наш взгляд, обладающее максимальными возможностями по воздействию на экзогенный каркас конкурентной среды банковского рынка, должно, особенно в текущей ситуации развернувшегося кризиса и экономических санкций Запада против России, таким образом модифицировать банковскую конкуренцию и ее внешнее проявление, чтобы ключевым социально-экономическим эффектом этого стало перераспределение мобилизуемой банковским сектором ликвидности в пользу столь остро нуждающегося в ней реального сектора. Подобное перераспределение, способное снизить остроту разрушительных для России перекосов в вопросах доступа к финансовым ресурсам – одна из ведущих предпосылок, важнейшее условие новой индустриализации как единственно возможного пути выхода отечественной экономики из нынешнего ее кризисного состояния.

Здесь мы полностью согласны с Р.С. Гринбергом, который утверждает: «В сущности, у нас нет другого выхода, кроме как изменить структуру российской экономики и привести её в более

или менее современный вид. Успех политики импортозамещения определяется возможностями производства конкурентоспособной продукции, так как именно отсутствие такого производства и определило высокую зависимость российского рынка от импортных поставок. А это значит, что предстоит выбрать производства, которые необходимо с помощью государства систематически поддерживать, и вывести их на конкурентоспособный уровень. Очень сложная задача! У нас есть производства, которые отвечают современному уровню, но они имеют низкий удельный вес в экономике. Надо стремиться к тому, чтобы они составили хотя бы 40-50% в её общей структуре.

Сегодня необходимо защищать внутренний рынок прежде всего в тех отраслях, которые имеют резервы для выхода на мировой конкурентоспособный уровень. Надо сосредоточиться на немногих направлениях, но зато использовать весь арсенал средств из разряда «кнута и пряника» для того. Чтобы вывести на желаемые объемы производство готовых изделий с высокой добавленной стоимостью» [10, с. 9]. Надеемся, что выводы и предложения, вытекающие из нашего исследования, по усилению роли государства в оптимизации конкурентной среды в банковском секторе помогут внести определенный вклад в осуществление указанной Р.С. Гринбергом задачи.

Правда, предвидим возражения коллег из либерального лагеря, озабоченных усилением государственных позиций в финансово-экономической области, и даже соответствующего блока в правительстве РФ и руководства Центрального Банка. Однако достаточно адекватный и аргументированный ответ им, по нашему мнению, уже дал С.Ю. Глазьев ещё в январе текущего года в газете «Завтра», где он резонно, считаем, подчеркнул: «Нужно, наконец, отбросить иллюзии. Против нас ведется война. Противник ожидаемо ударил нас по самому слабому и незащищенному месту – финансовой системе, которую мы сами отдали ему в управление. Вот он и управляет ею так, чтобы нас подчинить, лишив источников экономического роста – кредитов, технологий, умов. Нельзя рассчитывать на внешнеполитическую самостоятельность при колониально зависимой экономике. Могли бы мы выиграть войну с Германией, если бы согласились на использование рейхсмарок в качестве основы для формирования денежной базы? А ведь сегодня ЦБ закрепляет долларизацию нашей экономики, переходя уже к рефинансированию в долларах. Кстати, сразу же после дефолта в 1998 году нам МВФ предлагал делать именно то, что сегодня делает ЦБ – повышение ставки рефинансирования, отказ от валютного регулирования, свободное хождение доллара во внутреннем обороте, сжатие денежной массы. Даже пытались назначить нам куратора – некоего Кавалло, известного катастрофическими результатами подобной политики в Аргентине. Тогда хватило ума отказаться, хотя наше положение было куда хуже нынешнего. Сейчас у нас нет внешних обязательств и полная свобода рук. Только нужно не сидеть, сложив руки в надежде на иностранных инвесторов, а делать экономическое чудо. В отличие от руководителей ЦБ, для которых экономика – это черный ящик, напичканный виртуальными экономическими агентами, неспособными увеличить выпуск продукции, ученые ведущих экономических институтов РАН, профессионально изучающие реальные процессы воспроизводства, умеют объективно оценивать наши возможности и знают, как вывести экономику на траекторию роста с темпом до 10% прироста ВВП и 15% – инвестиций уже в этом году. Только для этого нужно изменить подход к макроэкономической политике – она должна строиться не на догматике Вашингтонского консенсуса, а на знании закономерностей развития экономики и понимании реальных экономических процессов. И, разумеется, исходить не из рекомендаций МВФ, а из целей, поставленных Президентом страны в посланиях Федеральному Собранию и в программных указах от 7 мая 2012 года» [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев, У.Ж. Понятийно-категориальный строй общей теории конкуренции / У.Ж. Алиев, Ж.Е. Шимшиков // М74 Модификация современной конкуренции в зеркале теоретической экономики: Сборник статей международной научной конференции в ЯГТУ 24.10.2013 / Под научной редакцией В.А. Гордеева и др. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – С. 26 – 37
2. Антонов, М.И. Конкурентные процессы в современном строительстве / М.И. Антонов // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2009. – №2. – С. 89-92
3. Верников, А. В. Структурно-институциональное сходство банковских систем России и Китая: препринт WP1/2014/04 / А. В. Верников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – (Серия WP1 «Институциональные проблемы российской экономики»). – 53 с.
4. Гордеев, В.А. Конкуренция и ее развитие: Монография / В.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008. – 299 с.
5. Гордеев В.А. Индустриализация в СССР: актуальные и неактуальные для РФ аспекты: монография /В.А. Гордеев, А.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 231 с.
6. Гордеев В.А. Классическая политэкономия как методология сущностно-содержательного изучения категорий в русле теоретической экономики // Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке: Материалы Международной научной конференции / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2014. – 456 с.
7. Гордеев В.А. Теоретическая экономика как журнал и научное направление / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
8. С.С.Губанов. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / Губанов С.С. – М.: Книжный Мир, 2012. – 224 с.
9. Жук А.А. Конкурентная среда рынков: институционально-экономические характеристики / А.А. Жук // Современная конкуренция. – 2011. – №4(28). – С. 15-22.
10. Гринберг Р.С. Из кризиса не выйти без смены модели экономической политики / Р.С. Гринберг // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 1. – С. 7–9.
11. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство : пер. с англ. / И. Кирцнер ; под ред. проф. А.Н. Романова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 239 с.
12. Кладова, А.А. Об особенностях неструктурной оценки банковской конкуренции в России / А.А. Кладова // Маркетинг и финансы. – 2013. – №3(03). – С. 184-199
13. Павлова, Е.А. Конкурентная среда и ее развитие на товарных рынках России / Е.А. Павлова // Автореф. дисс. ... к. эк. н.. – Воронеж, 2008. – 18 с.
14. Рубин, Ю.Б. Система конкурентных действий участников рынка / Ю.Б. Рубин // Современная конкуренция. – 2014. – №3. – С. 113-141.
15. Глазьев, С. Долларопоклонники / С. Глазьев ; интервью брал А. Нагорный // Завтра. – 2015. – 22 янв.
16. Чемберлин, Э.Х. Теория монополистической конкуренции / Э.Х. Чемберлин. - М.: ДиректмедиаПублишинг, 2008. – 403 с.

ЧИТАТЬ, А НЕ ЧТИТЬ!

Чекмарев Василий Владимирович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова» заведующий кафедрой экономики, действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания, заслуженный деятель науки РФ
г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: tcheckmar@ksu.edu.ru

Название моей рецензии на книгу А.И. Субетто «Системогенетика и тектология А.А. Богданова в контексте кризиса истории» [9] выбрано после долгих раздумий не только о работах А.А. Богданова и А.И. Субетто, но и самих ученых, столь не похожих и одновременно похожих. Непохожесть определяется и историческим временем, которое досталось этим ученым, и состоянием науки (информационным пространством) как отправной точки их мировоззрения. Похожесть же в том, что оба – энциклопедисты, исповедующие междисциплинарный подход, оба – носители универсального знания, обладающие оригинальным мышлением и разносторонностью научных интересов, оба – выдающиеся представители русской науки, русской культуры.

Почему же всё же – читать, а не чтить. А дело в том, что авторы учебников, в которых излагается история становления науки об управлении, давно причисляют А.А. Богданова к классикам. А вот в учебниках организации производства сюжетов из учения А.А. Богданова не присутствует. Студенты затрудняются в оценке вклада А.А. Богданова в развитие научной мысли. Следовательно – чтим, но не читаем.

Книга А.И. Субетто восполняет пробел чтения работы А.А. Богданова. И дело в том, что чтение «Тектологии» – труд нелегкий. Сегодня мало кто знает, что тектология (от греч. «тектон» – «строитель») – всеобщая организационная наука, ныне признанная первой глубоко разработанной общественной концепцией и непосредственной предшественницей кибернетики, была задумана именно как наука о строительстве социализма на основе всего социально-экономического и культурного опыта, накопленного человечеством. [1, с. 13-14, 106]. И А.И. Субетто позволяет в сжатой форме освоить идеи А.А. Богданова и оценить роль «Тектологии» в научном мировоззрении XXI века.

«Тектоника» и «Системогенетика», несмотря на объединяющий их интерес к распространению принципов термодинамики на социально-экономические системы, имеют важные эпистемологические различия.

Во-первых, у них разные основания (истоки) сложности мира. И здесь претензии А. Субетто на системогенетику опираются на понятие «система». В то время как А. Богданов опирался на понятие «организация».

Говорить сегодня о понятии «система» и о сопряженном с ним понятии «организация» – означает говорить об эпистемологической революции, связанной с процессом становления наук о сложности, процессом, обусловленным самой логикой развития науки и, прежде всего, естествознания в XX в. Новая концепция сложности, в свою очередь, инициировала и новый сценарий развития науки в целом, сценарий, основанный на тезисе, согласно которому изучение сложных систем требует всеобъемлющего междисциплинарного подхода, ориентированного на выявление инвариантных механизмов возникновения новых качеств и закономерностей в объектах, с которыми традиционно имеют дело самые разные дисциплины.

В связи с этим отмечу позицию И. Пригожина и И. Стенгерс, которые утверждают, что «рост науки не имеет ничего общего с равномерным разворачиванием научных дисциплин, каждая из которых в свою очередь подразделяется на всё большее количество водонепроницаемых отсеков» [5, с. 275].

Напротив, работа, направленная на понимание конвергентных процессов, стимулирует становление новых междисциплинарных концепций и процесс их «сопряжения», охватывающий весь ареал научной культуры. Формируются инновационные контексты, в которых возникают так называемые «поворотные пункты» [5, с. 275], точки роста, порождающие новые смыслы, выходящие за их рамки, и требующие, в свою очередь, нового синтеза.

Уже А. Пуанкаре в начале XX в. отмечал, что под покровом видимых различий в науке лежат скрытые сходства, так что стремление удержать отдельные научные дисциплины внутри их собственных границ подобно желанию заставить целое войти в состав своей части [6]. Согласно Пуанкаре, в действительности имеют место неожиданные сближения между различными сферами, благодаря которым становится возможным научный прогресс. Но что же в таком случае представляет собой наука, спрашивает он. Его ответ на собственный вопрос прослеживается у А.И. Субетто в большинстве его работ: наука – это прежде всего классификация. Но даже если не брать в расчет методологические вопросы, все прочнее становится представление о том, что движение науки в означенном направлении требует прежде всего формирования *новой социальной модели научных исследований*, где отдельный эксперимент или отдельная *научная интуиция* включались бы в коммуникативно насыщенный контекст взаимных обменов. В результате возможность быстрого и легкого доступа к новой экспериментальной информации могла бы появиться именно благодаря коллективной основе такой программы совместного участия. Открытие дисциплинарных границ, связанное с формированием концепции «сложности», позволяло *преодолеть изоляцию отдельных научных дисциплин, дробившую, согласно Пуанкаре, науку во вред культуре*. Оно несло с собой новое осмысление существовавшего ранее представления о научной деятельности, знаменуясь зарождением нового отношения между опытным наблюдением и объектом теоретического анализа. Речь больше уже не идет о том, чтобы «точно предсказать будущую эволюцию системы» [5, с. 279] из-за невозможности вычислить последствия взаимодействия между ее элементами: теперь речь идет об оценке спектра возможностей, которые могут быть реализованы в процессе эволюции системы. Именно на этом тезисе строится вся рабочая гипотеза А.И. Субетто по поводу системогенетики.

Во-вторых, при рассмотрении понятия «система» в качестве центрального в теории сложности теперь уже стало традицией ссылаться на то время, когда (как официально принято считать) был впервые сформулирован этот проект. Если говорить о компаративных и междисциплинарных исследованиях сложного поведения эволюционирующих систем в контексте их взаимосвязи с окружающей средой, то, без сомнения, одна из начальных стадий развития этих исследований была инициирована работами Людвиг фон Бергаланфи по построению так называемой «Общей теории системы». Это всеобъемлющее построение с широчайшим взглядом на вещи, способное с удивительной гибкостью связать физику и биологию, психологию и социологию, кибернетику и искусственный интеллект и сумевшее, начиная с середины XX в. утвердиться в качестве ведущей парадигмы, не исключало возможности для ее автора с должным вниманием отнестись к новейшим и альтернативным – по отношению к его собственной – точкам зрения.

В России своеобразие исторических и политических условий, продиктованных общим духом культуры той эпохи, благоприятствовало возникновению теории систем, в значительной мере сходной с упомянутой концепцией Бергаланфи. Русским ученым, осуществившим такого рода исследования, был Александр Александрович Богданов – человек энциклопедических интересов: философ, политик, ученый, врач, автор фантастических романов, он был главным представителем

махистской интерпретации русского марксизма. Последователь эмпириокритицизма Р. Авенариуса и феноменализма Э. Маха, Богданов стал оппонентом диалектического материализма. Его принадлежность к еретическому крылу марксизма, которому он противопоставлял свое собственное «эмпириомонистское» объяснение реальности, обрекли его на долгое забвение: его имя вернулось лишь в 80-е годы XX в.

И в этом контексте А.И. Субетто вряд ли можно причислить к сонму еретиков. Свидетельством этого тезиса является то количество изданных работ А.И. Субетто, которое трудно поддается исчислению.

В-третьих. Согласно позиции А.Л. Тахтаджяна [8], в истории современной науки можно выделить две противоположные тенденции: одна движется в направлении возрастания специализации научных дисциплин, другая – в направлении их интеграции. Первая из них, несомненно, в большей степени проблематична, так как, постепенно ослабляя организационную творческую способность, она ослабляет общую гармонию познания, создавая дробление, которое умножает присутствие границ там, где они не были необходимы и, наоборот, где они вредны для управления и технического использования знаний. Но Богданов был убежден, что деление науки на дисциплины на самом деле – временное явление: связи между отраслями знания никогда не могут быть полностью устранены – либо в одном виде, либо в другом они неизбежно будут вновь и вновь появляться, особенно на определенных стадиях научных исследований. Интересно отметить, что аргументация Богданова, сконцентрированная, прежде всего, на логико-методологическом осмыслении науки, особенно близка к эпистемологии Т. Куна. Характеристики, данные Куном научным революциям на стадии смены одной парадигмы другой, поразительно схожи с большей частью рассуждений Богданова, которые мы находим в разделе «Тектологии», посвященном организационному методу.

И в этом контексте системогенетику А. Субетто можно считать, в той или иной мере, преемственной к тектологии А. Богданова в силу того, что обе теории возникли в результате выявления возможных общих механизмов во внутренней сущности несходных между собой явлений (вне аксиоматического и объяснительного аппарата).

«Тектология» – это *не математический* труд, наоборот, *он описывает структуру организационных процессов, основываясь на интуитивном понимании, почти не обращаясь к вычислениям и формализации.* А. Субетто также, как и А. Богданов, в основном применяет метод, похожий на некий тип абстрактного символизма, который, хотя и не работает посредством алгоритмической математики, но оказывается пригодным для получения модели понимания эволюционного развития динамических систем.

В-четвертых. Исследования Богданова и Субетто, несмотря на объединяющий их интерес к распространению принципов термодинамики на построение социально-экономических систем, имеют важные эпистемологические различия. В «Тектологии» всячески подчеркивается конструктивная роль систем. А. Субетто вовсе не стремится дать историческое объяснение развитию и структуре того, что стало определяться как «социально-экономическая система». Он постулирует в системогенетике идею, что социально-экономические системы являются сложными системами, но вовсе не в том смысле, что они достигли системной организации в процессе эволюции во внешней среде.

Жанр рецензии предполагает не только освещение текста рецензируемой работы, но и оценку изложенных автором позиций. Частично она уже была произведена выше. Но все же следует высказать ряд критических замечаний. И в этом контексте системогенетику А. Субетто можно считать в той или иной мере преемственной к тектологии А. Богданова в силу того, что обе теории возникли в результате выявления возможных общих механизмов во внутренней сущности несходных между собой явлений (вне аксиоматического и объяснительного аппарата).

«Тектология» – это *не математический* труд, наоборот, *он описывает структуру организационных процессов, основываясь на интуитивном понимании, почти не обращаясь к вычислениям и формализации.* А. Субетто также, как и А. Богданов, в основном применяет метод, похожий на некий тип абстрактного символизма, который, хотя и не работает посредством алгоритмической математики, но оказывается пригодным для получения модели понимания эволюционного развития динамических систем.

В-четвертых. Исследования Богданова и Субетто, несмотря на объединяющий их интерес к распространению принципов термодинамики на построение социально-экономических систем, имеют важные эпистемологические различия. В «Тектологии» всячески подчеркивается конструктивная роль систем. А. Субетто вовсе не стремится дать историческое объяснение развитию и структуре того, что стало определяться как «социально-экономическая система». Он постулирует в системогенетике идею, что социально-экономические системы являются сложными системами, но вовсе не в том смысле, что они достигли системной организации в процессе эволюции во внешней среде.

Жанр рецензии предполагает не только освещение текста рецензируемой работы, но и оценку изложенных автором позиций. Частично она уже была произведена выше. Но все же следует высказать ряд критических замечаний.

Во-первых, название книги является парафразом названия книги Пушкина и Урсула [7]. И там авторы пытались «приподнять» любезную им кибернетику, и здесь Субетто – любезную (или, по его утверждению, им созданную) системогенетику, – через ряд положений тектологии.

Во-вторых, «Тектологию» непродуктивно исследовать вне контекста других работ А. Богданова, собранных в сборники «Эмпириомонизм» и «Вопросы социализма» [3, 2]. И здесь Субетто повторяет ошибку В.И. Ленина (см. переписку Бухарина и Ленина [4]).

В-третьих. Часть I «выпадает» из логики книги и плохо корреспондируется с задачей работы, которую А.И. Субетто обозначил во введении [9, с. 6]. Часть I о другом. А это 19 страниц из 40 страниц книги.

Вывод. С «Тектологией» можно спорить. Но её нужно хотя бы понять. И этот *minimum* у А.И. Субетто есть. Есть у А.И. Субетто и формализованная системогенетика. Давайте же ещё раз перечитаем книгу А. Богданова, и прочитаем книгу А. Субетто, которую редакция журнала любезно разместила на своём сайте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. / А.А. Богданов – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
2. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. / А.А. Богданов. – М.: Политиздат, 1990. – 479 с.;
3. Богданов А.А. Эмпириомонизм: статьи по философии. / А.А. Богданов / отв. ред. В.Н. Садовский. – М.: Республика, 2003. – 400 с. (Серия «Мыслители XX в»);
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1979–1982. – Т. 51 : Письма, июль 1919 – ноябрь 1920. – 1982. – 573 с.
5. Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека и природы / И. Пригожин, И. Стенгерс / пер. с. англ. Ю.А. Данилова. – М., 1986

7. Пуанкаре А. Наука и метод : пер. с англ. / А. Пуанкаре // О науке / А. Пуанкаре. – М., 1990. – С. 367–522.
8. Пушкин, В.Г. Системное мышление и управление. Тектология А. Богданова и кибернетика Н. Винера / В.Г. Пушкин, А.Д. Урсул. – М. : 1994. – 184 с.
9. Тахтаджян, А.Л. Principia tectologica. Принципы организации и трансформации сложных систем: эволюционный подход / А.Л. Тахтаджян. – 2-е изд. перераб. и доп. – СПб., 1998. – 121 с.
10. Субетто А.И. Системогенетика и тектология А.А. Богданова в контексте кризиса истории / А.И. Субетто. – СПб., 2014. – 40 с.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.И. БЕРКОВИЧ И Н.И. АНТИПИНОЙ «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКОМ УРОВНЕ: СТРУКТУРНО-ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ»

Кольцова Алла Владимировна

кандидат экономических наук, доцент. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: info@ystu.ru

Провозглашенный Правительством Российской Федерации курс на модернизацию экономики, опирающийся на инновационные подходы развития государства и всех отраслей общественного производства невозможно осуществить сверху вниз, так как этот процесс будет упираться в стеклянный потолок мезоуровня. Требуется встречный процесс инициативных и организационных мер, способствующих обеспечению инновационной деятельности на уровне отраслей и регионов для разрушения вышеназванной преграды и запуска взаимного обмена и протекания инновационных процессов.

В связи с этим актуальность монографии М.И. Беркович и Н.И. Антипиной¹, посвященной структурно-оценочным аспектам институционального обеспечения инновационной деятельности на мезоэкономическом уровне не вызывает сомнения и, безусловно, будет вызывать большой интерес у исследователей данного вопроса, а также у организаторов инновационной деятельности в регионах.

Объектом исследования рецензируемого труда является инновационная деятельность, осуществляемая на мезоэкономическом уровне. В качестве предмета исследования взяты экономические процессы формирования организации эффективной инновационной деятельности в регионах и отраслях на основе ее институционального обеспечения.

Сформулированная авторами цель исследования – разработка теоретических, методических и прикладных аспектов управления инновационной деятельностью на мезоуровне на основе ее институционального обеспечения – нашла отражение в поставленных задачах и структуре работы. Монография включает в себя введение, три главы, заключение, список источников из 234 наименований, 26 приложений. Текст работы изложен на 220 страницах.

¹ Беркович, М.И. Институциональное обеспечение инновационной деятельности на мезоэкономическом уровне: структурно-оценочный аспект: монография /М.И. Беркович, Н.И. Антипина. – Кострома: Изд-во Костром. гос. технолог. ун-та, 2014. – 220 с.

В первой главе [1, с. 8-42] рассматриваются институциональные формы и структуры управления инновационной деятельностью на мезоэкономическом уровне. На основе изучения большого количества научных источников проведен анализ различных подходов к институциональному обеспечению инновационной деятельности на региональном уровне. В результате выявлены недостатки существующих подходов и выдвинуто предложение провести системную оценку институционального обеспечения инновационной деятельности с точки зрения инфраструктурного и нормативного обеспечения одновременно. Установлена тесная взаимосвязь и взаимозависимость указанных аспектов обеспечения инновационной деятельности, невозможность существования инфраструктуры инноваций без четко разработанной и принятой нормативной базы. Следует отметить, что в данной части монографии по ходу исследования проведен анализ и уточнен понятийный аппарат по проблеме.

Вторая часть монографии [1, с. 43-91] посвящена анализу структуры институционального обеспечения инновационной деятельности в региональном и отраслевом разрезах. В ней рассмотрены федеральные целевые программы, реализуемые в регионах, а также особенности трех моделей инновационного развития регионов, входящих в Ассоциацию инновационных регионов Российской Федерации. Там же проанализирована и структурирована по шести направлениям региональная нормативная база инноваций. На основе общей классификации объектов инновационной инфраструктуры Министерства экономического развития РФ (производственно-технологическая, информационная, экспертно-консалтинговая и финансовая инфраструктуры) проведен анализ практического опыта их функционирования и выявлены наиболее успешные направления развития таких элементов инновационной инфраструктуры, как технопарки.

Оценка уровня инновационной деятельности в ключевых отраслях промышленности Российской Федерации на основе предложенного авторами алгоритма позволила выявить основные проблемы и сделать удручающий вывод о том, что в настоящее время в отраслях промышленности, присутствующих в данных «наиболее распространенных объектов инновационной инфраструктуры», нет инновационности.

Далее рассматриваются факторы инновационного развития предприятий, лидеров в своих отраслях, и индустриальные парки как интегрированные формы инновационного развития регионов и отраслей промышленности.

В заключение данного раздела монографии излагаются выводы и рекомендации авторов. К основным из них следует отнести: формулировку ключевых признаков инновационной деятельности путем обобщения подходов к понятию «инновационная деятельность».

Третья глава монографии [1, с. 92-126] посвящена комплексной оценке институционального обеспечения инновационной деятельности региона с целью системного описания подходов и инструментов по обеспечению благоприятного инновационного климата в регионе с опорой на реально существующие практики для распространения наиболее успешных из них на все субъекты РФ. В главе описан процесс и этапы количественной оценки институционального обеспечения инновационной деятельности в регионах, даны критерии оценки нормативного обеспечения инновационной деятельности. В итоге предложен общий алгоритм количественной и качественной оценки нормативно-инфраструктурного обеспечения, рекомендованный авторами в качестве эффективного инструмента управления инновационным развитием для региональных органов власти.

Для апробации данного инструментария проведена количественная оценка наличия объектов инновационной инфраструктуры, институционального и нормативного обеспечения инновационной деятельности в регионах ЦФО (за исключением г. Москва, ввиду его особого статуса). На основе проведенного анализа выявлены организационно-экономические меры активизации инновационной

деятельности в инновационных регионах ЦФО (по мнению авторов, к ним отнесены Владимирская, Липецкая, Тульская и Ярославская области), а также определены приоритетные направления формирования нормативно-правовых актов инновационной деятельности, обеспеченных финансовой поддержкой. Отмечена важность рейтинговой оценки инновационного развития регионов как основы для принятия управленческих решений, инструмента информационного обеспечения и основы для анализа, а также важнейшего инструмента мотивации регионов для их дальнейшего инновационного развития. Авторы по результатам анализа двенадцати существующих методик определения рейтингов регионов по уровню инновационного развития провели отбор наиболее реалистичных из них, выявив одновременно их достоинства и недостатки. В заключение третьей главы авторы приводят данные корреляционного анализа различных экономических показателей с показателями, характеризующими факторы инновационного развития регионов.

В заключение работы приводятся основные результаты исследования. В сфере инновационности региона к ним относятся: формулировка девяти ключевых признаков инновационной деятельности; уточнение понятий, имеющих отношение к инновационной инфраструктуре и нормативному обеспечению инновационной деятельности, инновационной политике; характеристика ключевых элементов нормативного обеспечения инновационной деятельности; выявление проблем функционирования механизма федеральных программ; предложение подхода к оценке институционального обеспечения инновационной деятельности; выделение направлений успешного развития высокотехнологичных технопарков; разработка и апробация метода комплексной оценки институционального обеспечения инновационной деятельности в регионах; составление сводного рейтинга инновационного развития региона; предложения по оценке уровня инновационного развития регионов на основании семи групп показателей.

В сфере инновационности отрасли выявлены элементы эффективной кластерной политики, ключевые факторы успешного инновационного развития крупнейших промышленных предприятий. В области индустриальных парков как интегрированной формы инновационного развития регионов и отраслей выделены три направления формирования индустриальных парков, классификационные признаки парков, отраслевая специфика индустриального парка; определены формы создания индустриального парка типа «браунфилд»; выделены ключевые структурные элементы, обеспечивающие нормальные условия для функционирования индустриальных парков.

Вместе с тем, в работе ощущается отсутствие анализа взаимосвязи институционального, инфраструктурного и нормативного обеспечения инновационного развития регионов и отраслей с финансовыми и социально-экономическими показателями регионов и отраслей, промышленной политикой государства, политикой перераспределения властных полномочий от государства органам управления Субъектов Федерации, а также вопросами кадрового обеспечения исследуемой сферы инноваций. Авторы назвали основным признаком инновационной деятельности трансформацию результатов интеллектуальной деятельности в производство новых товаров и их реализацию. Но, при этом, вопросам и проблемам коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и оценки результатов последней в нормативном и институциональном обеспечении инновационной деятельности в регионах и отраслях, а также в методиках рейтинговой оценки инновационного развития в работе не уделено внимания.

Отмеченные недостатки не снижают большую научную и практическую значимость рецензируемого труда. Он может служить примером систематизации большого количества вновь появляющихся терминов, нормативных, информационных и практических материалов в области обеспечения инновационной деятельности на уровне регионов и отраслей промышленности. Следует отметить достаточное количество элементов научной новизны, представленных в работе, которые могут послужить в качестве исходных пунктов для дальнейших научных исследований данной актуальнейшей для Российской Федерации проблемы.

Достоинством работы является значительное количество иллюстрационного материала (в виде рисунков и таблиц), позволяющего усилить восприятие материала, что особенно важно для аспирантов, студентов, преподавателей и специалистов в области регионального управления, которым рекомендована для использования монография.

ОТЗЫВ-ВПЕЧАТЛЕНИЕ О СТАТЬЕ Л.С. ШАХОВСКОЙ И К.Р. СУЛЕЙМАНОВОЙ О РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии *Metaepistemia Universum*
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Заинтересовала меня статья о регулировании предпринимательской деятельности в условиях современной России, опубликованная в «Известиях Волгоградского государственного технического университета» [1]. Во-первых, актуальностью названия и содержания. Ведь сам президент РФ В.В. Путин считает главной проблемой в стране необходимость совершенствования управления [2]. Во-вторых, целый ряд положений рассматриваемой статьи вызывает согласие и желание поддержать.

Например, авторы совершенно правомерно, по моему мнению, утверждают: «Государственное регулирование является одним из ключевых факторов, определяющих инвестиционный климат и макроэкономические показатели в целом» [1, с. 43]. Впрочем, здесь с авторами рассматриваемой статьи согласие не только я выражаю. Своими исследованиями необходимость усиления и совершенствования государственного регулирования экономики РФ активно обосновывают и академик РАН С.Ю. Глазьев [3], и президент Академии философии хозяйства Ю.М. Осипов [4], и члены редколлегии нашего журнала «Теоретическая экономика» [5, 6, 7], и авторы публикаций в других научно-экономических журналах. Так, главный редактор «ЭКО» В.А. Крюков в обзоре статей, вышедших в №3 за текущий год, делает на их основании резонный вывод: «Неблагоприятное стечение нескольких обстоятельств – снижения цен на нефть (точнее, давно ожидавшееся их приближение к реальным условиям воспроизводства запасов), санкций (возврат к политике сдерживания – статья С.В. Казанцева) – не является само по себе причиной той колоссальной по масштабам и последствиям деиндустриализации, которая имела место в течение последней четверти века в России (несмотря на отдельные положительные примеры противостояния данному тренду)» [8, с. 3]. Обстоятельное обоснование указанного положения находим и в материалах Московского экономического форума [9], и в монографии С.С. Губанова «Державный прорыв» [10].

Нельзя не согласиться и с выводом авторов рассматриваемой статьи в волгоградском журнале о том, что вступление РФ в ВТО негативно сказалось на отечественном малом и среднем бизнесе [1, с. 41] ввиду неконкурентоспособности последнего на сегодняшнем мировом рынке. Данный

вывод нашел полное подтверждение, например, в исследовании моих ярославских коллег из госуниверситета им. П.Г. Демидова под руководством проф. Ф.Н. Завьялова, обнаруживших, что по итогам 2013 года, первого полного года пребывания нашей страны в составе ВТО, ни для одного субъекта ярославской экономики не получилось значимого положительного результата от этого самого пребывания [11]. С сожалением при этом отмечаю признание моей правоты, когда я ещё в 2002 году аргументировал невыгодность для РФ готовившегося вступления в ВТО без надлежащей подготовки [12] – повышения конкурентоспособности национальной экономики, а после вступления обосновывал необходимость выхода нашей страны из этой международной организации во имя отечественных экономических интересов [13].

Изучение статьи волгоградских коллег позволяет отметить их обстоятельность, прямо скрупулезность анализа мер, принимаемых правительством РФ по поддержке малого и среднего бизнеса [1, с. 40-41], оценке эффективности этих мер на основе статистики и социологических опросов, формулировке рекомендаций в адрес органов государственной власти и управления по улучшению регулирования малого и среднего предпринимательства [1, с. 42-43].

В то же время считал бы необходимым заметить, что методологическая база, на которой основаны положения и выводы рассматриваемой статьи, в основном относится к мейнстриму неоклассики и неонституционализму. А такая база неизбежно, на мой взгляд, ограничивает возможности исследователя в рамках предложений лишь некоторого косметического ремонта, а не коренной смены всего курса макроэкономической политики, как это вытекает из концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима [14]. Последняя, исходя из принципа полиметодологичности, не отбрасывает неоклассику и институционализм, а вбирает их в себя, но относит их при этом в основном к рассмотрению форм проявления, а не эндотерической стороны исследуемого объекта, используя для последней методологию классической политэкономии. Тогда и предложения и выводы волгоградских авторов не отрицаются. Но ими не должен ограничиваться целостный взгляд на рассматриваемую проблему, в этот взгляд должна быть ещё «вмонтирована» и поставлена на первое место по значимости главная, эндотерическая составляющая.

А здесь нельзя не видеть, что беды российского малого и среднего бизнеса, его плохая пока выживаемость, нацеленность не на производство, а на торговлю и посредничество, не просто в недостаточности мер его поддержки и уж тем более не в избыточности государственно вмешательства в экономику, как представляется неолибералам, абсолютизирующим мейнстрим неоклассики и рыночное саморегулирование. Эти беды в нуждающейся в капитальном ремонте всей макроэкономической ситуации в стране, не стимулирующей труд и бизнес. А необходимость такого именно капитального ремонта немыслима без обращения к сердцевине производственных отношений – отношениям собственности, без пересмотра итогов грабительской приватизации в РФ 1990-х годов, о чем справедливо, на мой взгляд, пишет и С.С. Губанов в упоминаемой монографии «Державный прорыв» [10], и эксперты из Института экономики РАН [15] и Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова [16].

В указанном ключе и хотелось бы посоветовать уважаемым волгоградским коллегам усилить методологическую и теоретическую, а значит, и практическую значимость своих положений и выводов по регулированию государством развития малого и среднего предпринимательства, нацеленность его на активное участие в новой масштабной индустриализации вместо мелких торгово-посреднических функций, отвлекающих от главного и мешающих ему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховская Л.С. Регулирование предпринимательской деятельности в условиях современной России / Л.С. Шаховская, К.Р. Сулейманова // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – № 17. – С. 39–44.
2. Путин, В. Санкции не надо терпеть, их надо развернуть на пользу стране : [материалы «прямой линии» Президента России с гражданами страны] / В. Путин // Комсомольская правда. – 2015. – 17 апр. – С. 2–6.
3. Глазьев, С.Ю. О стратегии устойчивого развития экономики России / С.Ю. Глазьев, Г.Г. Фетисов // Экономист. – 2013. – № 1. – С. 3-35.
4. Осипов, Ю.М. Неодирижизм плюс неолиберализм равняется экономика современной России / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2012. – № 2. – С. 9-13.
5. Усик, Н.И. Антиконтурный эффект и эффективная экономика России: равновесие для неоиндустриализации / Н.И. Усик // [Электронный ресурс]: Электронный научный журнал «Теоретическая экономика» / ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет. – Электрон. журнал – Ярославль: ЯГТУ, 2013. — №4 (16). – июль 2013.» Режим доступа к журн.: <http://www.theoretical economy.info> свободный. – С. 35-39.
6. Водомеров, Н. Государственное планирование как средство ускоренного развития технологического машиностроения / Н.К. Водомеров // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – 2042 с. – С. 41-52.
7. Усик Н. К вопросу о моделях управления в моделях социально-экономического развития стран / Н.И. Усик // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – 2042 с. – С. 176-184.
8. Крюков В.А. И за что несёт мученье? / В.А. Крюков // ЭКО. – 2015. – № 3. – С. 2-4.
9. Московский экономический форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://me-forum.ru>
10. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. / С.С. Губанов – М.: Книжный Мир, 2012. – 224 с.
11. Лебедев Д.С. Год членства России в ВТО: итоги и анализ прогнозов изменения внешней торговли на региональном уровне / Д.С. Лебедев // Экономический вестник Ярославского университета. – 2014. – Выпуск 31. Научный журнал. – С. 7-11.
12. Гордеев В.А. Исходить из национальных интересов // Глобализация и Россия: проблемы и перспективы. Сборник материалов международной конференции. – Ярославль: МУБиНТ, 2002. – С. 58-60.
13. Гордеев В.А. Вступление в ВТО: фактор или тормоз новой индустриализации РФ / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев // Экономический вестник Ярославского университета. – 2014. – Выпуск 31. Научный журнал. – С. 12-15.

14. Гордеев, В.А. Классическая политическая экономия как методологическая основа сущностно-содержательного изучения категорий в русле теоретической экономики // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – № 17. – С. 11–15.
15. Глинкина С.П. Приватизация. Концепции. Реализация. Эффективность / С.П. Глинкина – М.: Наука, 2006. – 235с.
16. Хубиев К. Модернизация и отношения собственности / К.А. Хубиев// Экономист. –2010. –№9. – С. 14-22.

М.И. СКАРЖИНСКИЙ КАК «ЗЕРКАЛО» ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПРОСТРАНСТВЕ РЫНОЧНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РЕВАНША

Субетто Александр Иванович

доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор. Смольный институт Российской академии образования, проректор, Ноосферная общественная академия наук, президент. Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ.

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: subal1937@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

Матвея Исааковича Скаржинского нет уже 5 лет с нами, но его облик, для тех, кто с ним общался, дискуссировал, обсуждал теоретические проблемы современной политэкономии, участвовал в заседаниях диссертационного совета, наблюдая его глубокие, иногда ироничные, замечания и вопросы, встает как живой, как будто он только на короткое время уехал за границу или в командировку. Жизнь любого крупного ученого, а М.И. Скаржинский таким, несомненно, являлся, не усыпана лепестками роз, она терниста, в ней множество «критических моментов», иногда известных только самому ученому.

М.И. Скаржинский – глава костромской экономической научной школы, школы своеобразной, в которой переплелись плодотворные прорывные теоретические идеи в области марксистской парадигмы «трудовой онтологии» [4, с. 22] экономической науки, связанной с плановой социалистической экономикой, проблемой пропорционирования распределения массы общественного труда по отраслям народного хозяйства в соответствии с планами его развития, апологетикой общественной собственности, с идеями рыночной экономики, становления ее институциональной среды, апологетикой частной собственности.

Что стоит за этим, если не быть погруженным в историю нашей страны, которая называлась до 1992 года СССР, а после 1992 года Российской Федерацией, а только ограничиться углублением в логику развития самой экономической науки по ее внутренним основаниям? О чем свидетельствует эта резкая смена мировоззренческих и теоретических парадигм в самом политэкономическом или теоретико-экономическом дискурсе в творчестве М.И. Скаржинского?

Ответ мой таков: о трагедии отечественной экономической науки, которая, под воздействием рыночно-капиталистического реванша, в лице значительного множества видных советских политэкономов, не всех конечно, отвернулась от своих же собственных достижений и убеждений в области той советской марксистской теоретической парадигмы, которая называлась политэкономией социализма или политэкономией социалистической плановой экономики, и повернулась к теоретической догматике рыночной капиталистической экономики, представленной

англо-американской парадигмой «экономикса» или же институциональной парадигмой буржуазной политэкономии.

Вот почему все теоретическое наследие М.И. Скаржинского, представленное достаточно репрезентативно в его избранных трудах, изданных Костромским государственным университетом им. Н.А. Некрасова в 2005 году, еще при его жизни, может быть рассмотрено как «зеркало» того трагического теоретико-парадигмального перелома, который произошел и в официальном теоретическом базисе экономической науки под воздействием «рыночных реформ» 1991 – 1999 гг. Последние, по сути, были рыночно-капиталистической контрреволюцией по отношению к советскому, планово-социалистическому общественному строю, просуществовавшему в СССР более 70 лет.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М.И. СКАРЖИНСКОГО

Советский блок трудов М.И. Скаржинского составители «избранных трудов» [1] назвали символично «Из времени социалистического романтизма». Само название имеет своеобразную смысловую нагрузку, связанную со скрытым вопрошанием: что представляет собой советская социалистическая политэкономия, – серьезную, соответствующую теорию, адекватную развивающейся социалистической реальности, или же действительно – только социалистический «романтизм», т.е. нечто, что не соответствует столбовой дорожке экономической науки, что вступило в конфликт с законами экономической реальности и вынуждено было уйти в прошлое, как нечто экономически несостоявшееся, а вот то, что связано с рыночно-капиталистической реформацией, оказалось истинным?

Прежде чем ответить на это сложное по смыслу вопрошание, необходимо задуматься над категориями онтологической правды, т.е. правды исторического бытия, и онтологической лжи, т.е. лжи исторического бытия, которая может на какие-то «отрезки» времени исторического развития выходить на «поверхность» истории только затем, чтобы быть этой же историей оказаться «смытой» в небытие, как несоответствующей движению ее оснований, т.е. онтологической правде.

В.Г. Комаров, автор концепции онтологической правды как важнейшего основания социального разума, подчеркивал, анализируя диалектику взаимодействия «правды истории» и «лжи истории» [2, с. 144]:

«Не обладая универсализмом и всеобщностью правды истории, ее антипод – ложь истории – все-таки существует, но только как несамостоятельная, паразитарная форма бытия псевдоправды истории, выдающей себя, разумеется, за правду. В качестве социально-исторической констелляции навязчивых лжей разделенных иерархических обществ *онтическая/онтологическая ложь истории конституируется в основном из объективных материальных кажимостей, онтических/онтологических общественных миражей*, обладающих громадной энергией суггестии – способностью внушать себя индивидуальному и групповому сознанию, проникая в него независимо от когнитивных намерений и иных форм сознательного волеизъявления отдельных людей и их общностей. Будучи концентрацией объективных видимостей разделенных обществ, онтические/онтологические миражи черпают свои материальные и духовные энергии из онтической/онтологической правды жизни и правды истории, соответственно оскверняя чистоту и сокращая ресурсы этого живительного источника.

Псевдоправда (ложь) истории есть не более, чем объективная материальная кажимость, заимствующая чужую сущность – сущность правды истории. Когда правда в очередной раз достигает возобладания над неправдой, когда начинается генерализация правды истории, что происходит в периоды демократических подъемов революций, выглядящих катастрофами главным

образом в глазах господствующих «верхов», тогда ложь истории рассыпается в прах и раскрывается ничтожность ее внутренней определенности» (выдел. мною, С.А.).

И далее он замечает: «Между тем, несмотря на паразитическую несамостоятельность сущности исторической псевдоправды, она проявляется в трансисторических феноменах отчуждения труда и эксплуатации человека человеком, охватывающих все посткоммунистические общественные устройства (мое замечание: здесь В.Г. Комаров имеет в виду общественную формацию первобытно-общинного коммунизма, которая предшествовала эксплуататорским формациям, включая капиталистическую, С.А.). Сущность этой онтической/онтологической лжи заключается, впрочем, не столько в самих явлениях отчуждения труда и эксплуатации (хотя в качестве формы проявления сущности они несут на себе печать всего ее содержания), сколько в том, что оба социальных процесса осуществлялись в прошлом и реализуются в настоящее время как самоотчуждение и собственный выбор самих работников, да к тому же еще и в ситуации благодетельствования их «работодателями»... Однако эта онтическая псевдоправда обнаруживает себя как ложь истории только в сопоставлении с онтической/онтологической правдой жизни и правдой истории, на которых ложь паразитирует, чтобы иметь возможность казаться (но не быть) своей противоположностью. Поэтому всякое глубинное разоблачение лжи оборачивается обнаружением бытийной единственной онтической/онтологической правды жизни и правды истории. Таким образом, правда истории и правда жизни – едины и безраздельны. И хотя у них множество преград и врагов, все же нет им соразмерной и симметричной противоположности. Этим обусловлена и воплощена асимметрия в пользу правды, истины и жизни...» [2, с. 145] (выдел. мною, С.А.).

Истинная онтология человека – это трудовая онтология. Труд – истинный творец человеческого бытия. Причем имеется в виду труд в широком смысле слова – труд как творчество и созидание, труд как постоянное воспроизводящее себя воспроизводство жизни, человека. Подчеркну – труд, а не капитал, – и это есть правда истории. А взгляд на капитал, как некую самостоятельную силу воспроизводства, стоящую над трудом, на чем и базируется капитализм, есть та материальная кажимость, рождаемая отчуждением человека от самого себя, которая олицетворяется в онтологической лжи рыночно-капиталистической системы бытия, обреченной быть сметенной правдой истории или онтологической правдой, снимающей отчуждение труда и человека, и делающей человека истинным субъектом истории, т.е. хозяином своей исторической судьбы.

В Открытом письме ко всем ученым-экономистам России «Быть России в XXI веке или не быть?» в 2006 году автор писал:

«Труд остается главным двигателем развития экономики, в целом социального прогресса, он создатель капитала и всех богатств российского общества.»

Капиталократия, Социальная Капитал-Мегамашина и Капитал-Фетиш стремятся отбросить труд, выбросить его на свалку истории, как нечто ненужное. Идеальное состояние капитализма – если бы совсем не было рабочих, если бы не было совсем труда. Формируется фетишная «безтрудова» философия и идеология. Экономическая мысль пытается доказать, что богатство формирует капиталократия, так называемый «бизнес» или «предпринимательский класс». Делаются попытки убрать труд из экономической субстанции или рассматривать его в качестве одного из факторов экономического производства. Д. Кортен (США) на своем языке, де-факто, убедительно показывает, как современный капитал стремится дематериализоваться, т.е. освободиться от источника своего появления – труда, более того, вообще от человека...

Не потому ли современная экономическая мысль так хочет забыть трудовую теорию стоимости Маркса, что «кажимость» бытия капитала стремится избавиться на современном этапе

его развития от труда вообще? Стать таким «безтрудовым» капиталом?.. Но это фетишная, превращенная, буржуазная форма экономического бытия, его кажимость. А действительная форма его бытия есть трудовая онтология. И эта трудовая онтология – источник будущего прорыва человека к самому себе и к царству гармонии своего бытия с природой – к «ноосфере будущего» [4, с. 21-22].

Советская половина творчества М.И. Скаржинского, в моей оценке, есть развитие теоретической системы политэкономии социализма или, если быть более точным, политэкономии советского социалистического общества, как политэкономии, базирующейся на трудовой онтологии. Он подчеркивает: «Труд – неперемненное условие и источник жизни человеческого общества. В процессе коммунистического строительства труд становится не только средством для жизни, но постепенно и первой жизненной потребностью человека. Чем разностороннее общественное разделение труда, чем сложнее и многообразнее структура растущих материальных и культурных потребностей социалистического общества, тем все более важными становятся задачи планомерного рационального распределения всей массы общественного труда между различными сферами его приложения» [1, с. 7].

Особое место он отводит проблеме развития теории соотношений масс производительного и непроизводительного труда. Он подчеркивает, что по Марксу производительный труд – это труд, результатом которого является материальное благо, «потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы» [1, с. 8; 10, с. 192]. Количественный критерий производительного труда – это то, что он есть «продуктивный труд, воспроизводящий с избытком потребленную в его процессе стоимость» [1, с. 9]. Далее он показывает, следуя марксизму, что «при капитализме производительный труд – это капиталистически организованный труд», качественная сторона которого (т.е. его системно-социальное качество) состоит в том, что это есть «труд, обменивающийся непосредственно на капитал», и тем самым есть «труд, который противопоставляет самому рабочему в виде капитала созданные этим трудом стоимости» [11, с. 405].

Иными словами, сама капиталистическая форма производительного труда есть источник отчуждения человека труда от его труда, вернее от результатов его труда, тем самым неся в себе источник стремления капитала к безтрудовой форме своего возрастания, расцветшей пышным цветом в эпоху глобального империализма в форме чрезмерно «раздутого» фискального капитала («турбокапитализма» по Луттваку), функционирующего по формуле Д-Д` [7].

Социализм, отмечает М.И. Скаржинский, «изменяет само содержание труда как экономической категории», поскольку целью социализма становится не только «все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных потребностей общества, но и все более полное удовлетворение его не менее быстро растущих культурных потребностей», исходя из цели «обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества» [1, с. 16; 12, с. 232].

В этом контексте социализм есть первый этап снятия капиталистического отчуждения труда, полное завершение которого связано с полным становлением коммунистического общества.

Особое значение в своей теории социалистического труда Скаржинский уделяет теории непроизводительного труда или труда в непроизводственной сфере, в том числе проблеме эффективности инженерного труда. Он восстает против вульгарной трактовки прогноза Маркса о превращении в будущем науки в непосредственную производительную силу, подчеркивая сложную диалектику этого исторического процесса, имеющего свою логику циклов, сменяющихся качественными скачками.

М.И. Скаржинский обращает внимание на определенную поэтапную дифференциацию превращения науки в непосредственную производительную силу, когда «можно и должно говорить о превращении в непосредственную производительную силу лишь тех отделов науки, которые непосредственно обслуживают производственные процессы и в которых труд исследователя выступает в качестве неотъемлемой части совокупного производительного труда, направленного на создание данных материальных потребительных стоимостей» [1, с. 27].

Он показывает *диалектическую связь (и диалектическое единство) роста производительной силы «труда, создающего материальные блага», благодаря чему увеличиваются размеры (масштаб) национального дохода общества, и процесса «расширения отраслей непроеизводственной сферы»* [1, с. 28]. При этом, если «в условиях капитализма» «уровень потребления масс, ставящий предел развитию производства, ограничен действием закона стоимости рабочей силы» [1, с. 32], то в социалистическом обществе и в социалистической экономике рост непроеизводственной сферы отражает иные процессы, они направлены на восходящее воспроизводство качества человека и качества жизни, или, иными словами, по М.И. Скаржинскому, на реализацию «цели социализма – все более полного удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей народа на основе непрерывного роста и совершенствования общественного воспроизводства» [1, с. 32].

Им предлагается классификация непроеизводственных отраслей, с их делением на 5 групп: (1) первая группа – материально-техническое снабжение и сбыт; заготовки, финансы, кредит, торговля; (2) вторая группа – общественное питание, бытовое обслуживание, дошкольные детские учреждения; (3) третья группа – здравоохранение и просвещение; (4) четвертая группа – наука, искусство, литература, культурное обслуживание; (5) пятая группа – государственное управление, оборона, платные функции в общественных организациях. Каждая из этих групп получает у него полную экономико-теоретическую характеристику [1, с. 36-73].

Особой заслугой М.И. Скаржинского на социалистическом этапе его исследований как ученого-политэконома стала развернутая теоретическая система закономерностей и планирования распределения труда между производственной и непроеизводственной сферами. В ней были раскрыты такие теоретические подсистемы, как «общественный полезный непроеизводительный труд как элемент системы народнохозяйственных пропорций» [1, с. 73-94], проблема единства «баланса труда» и «общественных потребностей» [1, с. 95-100], теория экономического механизма распределения трудовых ресурсов в непроеизводственной сфере социалистического общества [1, с. 100-112].

Особое место в его творчестве советского времени заняла теория труда инженера, которая не потеряла своего значения и для современности. М.И. Скаржинский правильно показал особую роль труда инженера в процессах интенсификации общественного воспроизводства [1, с. 113-114], а я добавлю – особенно на фоне роста интеллектоемкости, наукоемкости, образованиеемкости общественного производства [8]. Данная его теория хорошо фундирована, она опирается на глубокий фундаментальный анализ возрастания роли труда инженера на протяжении истории капитализма и того перелома, который произошел в его воспроизводственной функции в процессе социалистической социальной революции.

В чем произошли изменения?

Во-первых, отвечает М.И. Скаржинский, «инженер, как рабочий, как и любой другой член социалистического общества, является таким же совладельцем принадлежащих всему обществу и находящихся в общественной, государственной собственности средств производства. Поэтому как и всякая рабочая сила в социалистическом обществе, инженерная квалификация не может быть товаром, объектом купли-продажи и эксплуатации».

«Во-вторых, инженерная квалификация в социалистическом обществе не только не товар, но и вообще не является объектом чьей бы то ни было собственности...».

В-третьих, при социализме, вследствие социалистической природы экономических отношений, «акт найма» инженера на работу не существует, поскольку он – совладелец социалистической собственности, и поэтому он «вступает в данный производственный коллектив, чтобы в коллективном труде создавать общественный продукт, часть которого в соответствии с величиной личного трудового вклада инженера поступает в его личное потребление» [1, с. 124].

По Скаржинскому, «инженерная квалификация» – «качественная характеристика рабочей силы инженера», и в этой своей сущности – она есть экономическая категория.

Им прослежена логика участия инженера в научно-техническом прогрессе технологической базы социалистического общественного производства, включая такие разделы, как «инженерная функции в технической подготовке производства», роль инженера в решении экономико-организационных проблем технического прогресса, роль и место инженера в «руководстве технологическим процессом», проблема стимулов инженерного труда, «моделирование инженерной квалификации» как момент планирования развития и повышения качества инженерно-кадрового потенциала социалистической экономики и др. Необходимо отметить, что эта его теория насыщена математическими моделями, позволяющими выстраивать количественные подходы к расчету общественных потребностей в инженерном труде, с учетом его распределения по отраслям общественного производства [1, с. 113-230].

Возникает вопрос: не потеряла ли свое значение эта часть творческого наследия Скаржинского, если советский социализм был ликвидирован в 90-х годах XX века? Мое твердое убеждение – не потеряла. Потому что вне социализма рыночно-капиталистическое человечество, на фоне уже развивающейся первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, обречено на экологическую гибель уже в XXI веке [9].

Поэтому возврат России в своем развитии к социализму XXI века, как и социализму нового качества – к Ноосферному, Экологическому, Духовному Социализму, – только вопрос времени. При этом еще раз подчеркну – это императив XXI века, обращенный и ко всему человечеству.

РЫНОЧНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В ТВОРЧЕСТВЕ М.И. СКАРЖИНСКОГО ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ

Вторая часть научного творчества М.И. Скаржинского отражает коренную смену теоретико-ценностных доминант и понятийной системы его теоретического дискурса, вызванную, в свою очередь, сменой социалистического общественного строя на рыночно-капиталистическую систему, сопровождающейся деиндустриализацией общественного производства России, деинтеллектуализацией кадрового потенциала, ликвидацией общественной собственности и ее приватизацией в основном кучкой олигархов, демонтажом системы планирования, за которыми скрывался ложный постулат, что рынок все отрегулирует, неконкурентные предприятия обанкротит, придаст новые стимулы экономического развития якобы за счет стимулов рыночного выживания (постулат рыночного фундаментализма). Интересен сам по себе факт, что эта рыночно-капиталистическая контрреволюция под видом перехода к «рыночной экономике», которая якобы придаст новый импульс развитию России, осуществлялась при достаточно мощной поддержке академической экономической науки, даже в лице таких видных ученых-экономистов, в прошлом политэкономов-марксистов, как Абалкин, Петраков, Шаталин, Г.Х. Попов, Лившиц, Шмелев и другие.

Революционный переход (а «рыночные реформы» в СССР, а затем в России были «контрреволюцией сверху») от плановой социалистической системы экономики, на базе

общественной собственности, – к рыночно-капиталистической экономике, на базе приватизации общественной собственности по схеме Сакса-Чубайса, сопровождался не менее революционным переходом отечественной экономической науки в самом предмете исследования: от марксистской парадигмы в основах ее построения – к «экономиксово»-институциональной парадигме, с идеалом «свободного рынка» как основы функционирования идеальной рыночной экономической системы.

Эта «теоретико-экономическая революция» не миновала и творчества М.И. Скаржинского.

Он в начале 90-х годов XX века создает цикл научных очерков «Уроки экономики в школе», в которых раскрывает свое обобщение теории рыночной экономики. Он подчеркивает, что:

Первое. «Рынок есть система саморегулирования экономических отношений на основе объективных законов» [1, с. 232], что является спорным само по себе. На то, что рынок не обладает свойством саморегулирования, а, наоборот, свойством неустойчивости, стремится к своему свертыванию вследствие его монополизации, указывали многие видные исследователи, кроме К. Маркса, например – Н. Винер, Дж. Гэлбрейт, Ю. Горский и другие.

Второе. Рынок подчиняется объективным законам – законам понижающейся предельной полезности, возрастания вмененных издержек, спроса, предложения, равновесной цены, денежного обращения и др., которые «автоматически регулируют рыночные отношения между покупателями и продавцами товаров и услуг» [1, с. 232].

Третье. «Для возникновения и развития рыночной экономики нужны шесть основных условий»: (1) «частная собственность на ресурсы и продукты производства»; (2) «свобода предпринимательства и выбора»; (3) «личный интерес как главный мотив поведения человека»; (4) «конкуренция»; (5) опора на систему цен, на рыночные механизмы»; (6) «ограниченная роль государства в экономической жизни» [1, с. 233]. Это служит основанием для выполнения 4-х основных функций рынка – регулирующей (в первую очередь по отношению к объему производства различных благ и услуг, цены, ассортимента и качества продукции), информационной, стимулирующей, санирующей (отбраковка рынком неконкурентоспособных, малоэффективных предприятий) [1, с. 233].

Уже в самой постановке этой мировоззренческой системы, по которой утверждается спорная, подвергавшаяся не раз жесточайшей критике не только со стороны экономической науки, но и со стороны «правды истории» или «онтологической правды» (об исторической критике её писал В.Г. Комаров, которого автор цитировал выше), как мы видим, происходит резкая смена «краеугольных камней» экономического бытия общества: уже не труд является главным двигателем экономического развития, а рынок, со слепым законом спроса и предложения (который критиковал Маркс), и капитал.

Признает это, отличая «слабости рынка», и М.И. Скаржинский, говоря, что «рыночная экономика не гарантирует право на труд», что «ей органически присуще сильное имущественное неравенство людей», что рынок не умеет защищать окружающую среду, регулировать использование природных ресурсов, что рынок не может обеспечивать развитие фундаментальных исследований в науке, что он порождает нестабильность, экономические спады и инфляцию.

И, тем не менее, он присоединяется к спорному выводу, что «за всю историю человечество пока не создало экономической системы более эффективной, чем рыночная экономика» [1, с. 235]. Неужели опыт эффективности советской плановой социалистической экономики так быстро забыт, что о нем даже не следует вспоминать? Разве это не трагедия самой отечественной экономической науки и творчества тех ученых, которые сменили основания экономического мировоззрения, не подвергнув анализу причины и основания такой логики сменяемости?

В «Уроках экономики в школе» М.И. Скаржинский дает 20 «уроков», в том числе, кроме

урока «Общая характеристика рыночной экономики», такие уроки, как «Потребности и ресурсы», «Спрос и предложение», «Издержки, выручка и прибыль», «Конкуренция», «Деньги и денежное обращение», «Банки и кредит», «Предпринимательство и бизнес» и другие [1, с. 232-319].

В «Беседах о переходной экономике России (В помощь учителю средней школы)» М.И. Скаржинский предстает как великодушный дидакт.

Он замечает опасность в рыночной трансформации экономики России по ее превращению на мировом рынке только в «сырьевую экономику» (т.е. в «сырьевой придаток» мировой экономики) и ставит задачу о «прорыве в разряд стран – экономических лидеров – с опорой на имеющийся, требующий сохранения и развития, образовательный, интеллектуальный, творческий потенциал населения» [1, с. 321].

Однако исторический опыт рыночной формы функционирования экономики России за последние 20 лет демонстрирует обратное: рынок стал разрушать этот «образовательный, интеллектуальный, творческий потенциал населения», доставшийся ей в наследие от СССР, наметилась опасная тенденция не только деиндустриализации, которую анализировали С.Ю. Глазьев, М. Делягин, С.Г. Кара-Мурза и др., но и деинтеллектуализации российского общества.

Признавал это и М.И. Скаржинский уже по первым результатам рыночных реформ. Он писал: «Но экономическая реальность в России такова, что ее трудно оценивать как социально-экономический прогресс. Двукратное по сравнению с началом экономических реформ сокращение объемов производства, валового внутреннего продукта, снижение жизненного уровня и даже обнищание значительной части населения, безработица и другие кризисные проявления и экономические невзгоды не компенсируются социально-экономическим выигрышем от полного исчезновения дефицита, очередей, карточек и талонов, от свободы предпринимательства и других достижений экономических реформ» [1, с. 321].

В постсоветский период М.И. Скаржинский уделяет большое внимание «Методике преподавания экономики».

К сожалению, он, подчеркивая различие между политэкономией, преподававшейся в СССР, и предметом экономической науки в парадигме «экономикса» (в первой – ставка на «сущностный анализ экономических отношений», во второй – ставка на раскрытие механизма функционирования рыночной экономики), считает оправданным, в моей трактовке, отказ от экономической онтологии (с поиском ответа на вопрос «что это такое по своей сущности?») и переход на рыночно-экономическую феноменологию и праксиологию (с поиском ответа на вопрос «как она работает?») [1, с. 438]. Фактически за этим положением, которого придерживается в целом западная экономическая мысль, стоит «бегство» буржуазной экономической науки от прогноза К. Маркса и в целом марксизма – об исторически преходящем характере рыночно-капиталистической формации и об исторической необходимости наступления эпохи социализма и коммунизма.

«Заглядывать в сущность» – это и означает познавать онтологическую правду, преодолевать «кажимость», «миражи» онтологической лжи рыночно-капиталистической формы общественного производства, порождающей отчуждение человека труда от средств производства, и вследствие этого – от самого себя, своего исторического предназначения, от воспроизводства самой жизни человека и общества. Подчеркну при этом, что наступившая первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы означает, что онтологическая правда выходит на арену истории и Природа – Биосфера и планета Земля как суперорганизмы – более не собирается терпеть разрушительно-энтропийную форму хозяйственного природопотребления рыночно-капиталистического человека. Человек, оставаясь в иллюзорном, «миражном» пространстве рыночно-капиталистического хозяйствования, может не пережить XXI век, т.е. Природа может его

Отказавшись от политэкономии социализма, М.И. Скаржинский становится на позицию обоснования отказа от ее теоретических конструкций.

В статье «Экономика или политэкономия» он занимает позицию «экономики», подчеркивая, что «расхожим заблуждением приходится считать утверждение, будто современная экономическая наука игнорирует проблемы экономических отношений, а занята исключительно экономическими механизмами» [1, с. 541], приводя как положительный пример современные отечественные учебники Р.М. Нуреева, В.Д. Камаева и других. Главный же его довод: «...вряд ли стоит нам изучать то, что в остальном мире не изучается, снова искать для России свой особый путь и особую, отличающуюся от мировой, экономическую теорию» [1, с. 541]. Правда, сразу же возникает вопрос, а разве марксизм не относится к «мировой, экономической теории», и что: к «мировой, экономической теории» относится только «экономикс» Маршалла, или теория Кейнса, или теория Вальраса и пр.? Что советская политэкономия, все работы советских политэкономов, включая работы советского периода творчества и самого Скаржинского, есть только заблуждение?

М.И. Скаржинский активно работает над теоретическими проблемами экономической науки в рамках уже принятой им новой парадигмы экономической теории, исходящей из постулата саморегулирующей силы рынка. Он поднимает такие проблемы, как «асимметричная информация в трансакционных отношениях собственности» [1, с. 542-548], «роль нефизического капитала в социально-экономическом прогрессе» [1, с. 548-553], проблемы «политической экономии высшего образования» и «классовой идентификации и предмета новой политической экономии» (здесь он развивает линию теории общественного выбора Э. Аткинсона и Д. Стиглица) [1, с. 553-572].

Особое место в творческом наследии постсоветского периода М.И. Скаржинского занимает раздел «Экономические отношения и институты». Здесь поднимаются такие теоретические вопросы, как экономические отношения и институциональная среда, категории социально-экономических институтов, неформальных институтов, институциональных противоречий. Следует отметить, что уже в этой работе он становится на позицию критики рыночного либерализма, в том числе гайдариномики, пренебрежения по отношению к фактору «силы неформальных институтов» [1, с. 579].

М.И. Скаржинский становится на институциональную позицию в определении собственности, собственно говоря, прячущую классовую природу частной собственности на средства производства.

Признавая фундаментальную, системообразующую функцию экономической категории собственности, он ее определяет только через призму экономического отношения присвоения [1, с. 575]: «Собственность есть экономическое отношение присвоения – отчуждения объектов, отношение между людьми, присваивающими ценности, и теми, от кого эти ценности отчуждаются, отношение, формирующее социально-экономическую структуру общества и представляющие ее экономические интересы. Собственность есть в то же время социально-экономический институт...». Им раскрывается связь институциональных противоречий и конфликтов в переходной экономике, делается попытка сформировать представление о «нормально эволюционном развитии социально-экономической системы» в логике институциональной парадигмы [1, с. 575-581]. Данное представление служит базой для построения концепции «институциональных факторов деформации экономических отношений» [1, с. 581-590].

Через институционализм Скаржинский внедряется в проблемы экономической социологии, показывает взаимосвязь качества институциональной среды и качества гражданского общества, ставит проблему бюрократической деформации гражданского общества [1, с. 590-600].

Разгоревшаяся дискуссия вокруг легитимности частной собственности, возникшей в результате приватизации по схеме Сакса – Чубайса, которая спорадически в экономической науке России актуализируется по настоящее время, вызывает свой «ответ» и у Скаржинского в виде работы «Институт частной собственности и ее легитимность» [1, с. 636-643]. Он справедливо замечает: «При отсутствии легитимности или при ее неполноте, недостаточности невозможна и подлинная защита прав собственности – главное в становлении института частной собственности» [1, с. 636].

Но как же можно говорить о легитимности института частной собственности, если она возникла в результате несправедливой, фактически осуществленной под контролем криминальных структур «теневой экономики», возникшей в годы «перестройки» по М.С. Горбачеву, фактически за деньги, не соответствующие истинной цене приватизируемых предприятий, в сотни – тысячи раз, меньше их истинной стоимости, что определило осуществленную приватизацию социалистической собственности как экспроприацию ее у трудового народа, создавшего ее трудом 4-х поколений советских трудящихся.

Скаржинский такого вывода, о котором автор не раз писал в своих работах в 90-х годах XX века, избегает. Но предупреждает: «Нелигитимность собственности сказывается на экономическом поведении ее агентов. Такой собственник неизбежно будет стремиться к извлечению ближайших выгод, мало заботясь о перспективах и инновациях. Неуверенность в будущем, страх потерять приобретенное побуждают к его упрятыванию, в том числе и к выводу капитала за границу страны» [1, с. 636].

Этот теоретический вывод Скаржинского полностью подтвердился ближайшей экономической историей России (1992 – 2014 гг.), отразив не только несправедливый, фискально-спекулятивный и криминальный, характер проведенной приватизации, но и ее неэффективное, грабительское по отношению к трудовому народу, паразитарное содержание, отбросившее Россию в ее историческом развитии на столетие назад, превратившее ее в экономическую колонию глобального империализма (империализма США, Великобритании и Западной Европы).

Скаржинский так, более «мягко», определяет этот процесс: «Еще более сложна проблема признания легитимной в общественном сознании возникшей в результате приватизации частной собственности. Этому препятствует не только менталитет населения, сформировавшийся в предшествующие десятилетия, но и сама специфика российской модели приватизации государственной собственности. Ваучерная приватизация не привела к возникновению массовой частной собственности. Собственность на доходные объекты сконцентрировалась у малочисленной группы крупных и крупнейших владельцев» [1, с. 639].

В 2000-х годах М.И. Скаржинский отдает свою дань методологическим исследованиям в контексте постмодернистского «мейнстрима» в экономической теории, характерного для западной экономической мысли. Его оценка этого направления противоречива, но в целом положительна. Позитив постмодернистского течения экономической научной мысли, как считает он, состоит в том, что оно, это течение, «преодолевают... пограничные столбы» теоретико-экономической рефлексии, заставляет включать в ткань экономического исследования «правовые, психологические и этические аспекты» [1, с. 651].

Он поддерживает методологический плюрализм постмодернистской экономической науки, по сути, вытекающей из принципа методологического индивидуализма, который был введен в методологию экономического познания еще «монетаристами», например – Хайеком.

Фактически такая методолого-плюралистическая или методолого-индивидуалистическая революция в основаниях познания экономической реальности означала одно: отказ от познания законов развития экономики и той «онтологической правды» истории, о которой писал

В.Г. Комаров, что, конечно, не могло не сказаться на потере такой «экономической наукой» своей важнейшей функции – прогностической (предикторной), что и не замедлило проявиться в той неожиданности для большинства экономистов-постмодернистов, с которой разразился мировой финансовый кризис в 2008-2009 году.

В последние годы М.И. Скаржинский поднимал и разрабатывал такие теоретические проблемы, как «институт частной собственности и критерии эффективности», политэкономическая сущность институционального исследования в логике иерархического взаимодействия «индивида», «институционального соглашения» и «институциональной среды», «рутины и инновации» в контексте экономической генетики, институциональные коррекции трудового потенциала, «взаимосвязь социально-экономических организационных и технологических инноваций», «об экономических закономерностях формирования института частной собственности», «бедность как институциональная проблема» и др. [1, с. 644-700].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2014 году, если бы был жив Матвей Исаакович Скаржинский, ему бы исполнилось 90 лет. Он ушел из жизни 11 февраля 2009 года, в год своего 85-летия. В.В. Чекмарев в своем эссе, посвященном памяти М.И. Скаржинского, задался вопросом «Почему традиции существуют веками и тысячелетиями, на чем они держатся?» [5, с. 163]. Ответ лежит в том положении, что память есть онтологическая категория, что любая прогрессивная эволюция, в соответствии с системогенетикой, есть эволюция с нарастающей памятью, эволюция, запоминающая самое себя в каждом акте порождения [6].

М.И. Скаржинский и его научная школа в г. Костроме, в Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова, уже стали частью памяти эволюции советской/ российской экономической науки.

В самом научном творчестве М.И. Скаржинского, в его экономических исследованиях и пристрастиях, отразилась противоречивость исторической эпохи, её драма и её трагедия, в которой он жил и творил как ученый-экономист.

Одновременно он есть, как своеобразная знаковая фигура, «зеркало» той величайшей всемирно-исторической трагедии, которая выразилась в рыночно-капиталистической контрреволюции, в распаде СССР. Эта трагедия перешла в трагедию отечественной экономической науки, запечатлелась в том мировоззренческом и методологическом разломе, которой материализовался в смене ценностей и методолого-познавательных «матриц» в исследовательской логике поведения многих отечественных ученых-экономистов, в том числе и М.И. Скаржинского.

Что проявилось в этой трагедии? Власть кажимостей рыночно-капиталистического бытия, которое уже подвергается онтологической критике не со стороны познающего реальность человеческого Разума в лице того или иного гения, такого масштаба как К. Маркс или В.И. Ленин, а со стороны Ее Величества Природы, уже предъявившей человечеству, его науке и культуре, его коллективному Разуму Ультиматум в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, процессы которой, в условиях рыночно-капиталистической формы хозяйствования, ускоряются в XXI веке. Если перевести язык этого Ультиматума на язык научного прогноза, то он звучит так: или Ноосферный Экологический Социализм в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества, или экологическая гибель в XXI веке.

Это означает, что «мейнстримом» в развитии экономической науки будут не новомодные «постмодернистский курс» или «информационная экономика», а политэкономия ноосферного

социализма, предполагающая в свою очередь политэкономия управляемой социалистической экономики.

В.Г. Комаров писал, обращаясь, очевидно, к искателям научной истины:

«Чтобы выйти из-под власти кажимостей в этом задевающим человеческое самолюбие вопросе, каждому необходимо проделать нечто вроде феноменологической редукции к декартову Ego – субъекту его знаменитого *cogito ezgo sutu*, т.е. попытаться в своем познании отрешиться от всех его уже свершившихся воздействий на наши воззрения и психологические установки и определить свое существование в собственном мышлении. Проще говоря, надо сделать честное усилие освободиться от предвзятостей как группового, коллективного, классового и т.п., так и индивидуального порядка с целью найти некий «угол зрения», «методологическую позицию», такое «расположение разума», которые бы обеспечивали наименее искаженное (наименее замутненное кажимостями) и наиболее адекватное видение процесса космо-био-антропо-социо-ноосферогенеза. Возможно ли это в принципе? Повторюсь: аподиктического ответа нет» [2, с. 147].

Ответ, конечно, есть, но в другой «плоскости», в другой «логике» – в логике истории, которая в начале XXI века вышла из лона своего автономного бытия, о чем поведал глобальный экологический кризис, и перешла в новое качество (если она продолжится) управляемой социоприродной – ноосферной – эволюции.

За этим стоит будущая ноосферная революция в самом бытии науки, общественного интеллекта, а значит – и человечества. И на этом пути, уроки, которые преподала нам история России и человечества последнего двадцатилетия, – необходимое условие ожидаемого качественного скачка в нас самих, в человеке, в нашем разуме и в нашем отношении к природе, Земле, Биосфере, Космосу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скаржинский М.И. Избранные труды/ М.И.Скаржинский, [Текст]. – Кострома: ГОУВПО КГУ имени Н.А.Некрасова, 2005. – 752 с.
2. Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума/ Под ред. д.ф.н., д.э.н. В.Я.Ельмеева/ В.Г.Комаров, [Текст]. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. – 556с.
3. Субетто А.И. Трудовая онтология в системе экономических воззрений М.И. Скаржинского / А.И. Субетто // Экономические институты современной России : материалы науч. конф. памяти М.И. Скаржинского, Кострома, 7 мая 2009 г. / сост. и науч. ред. В.В. Чекмарев. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – С. 488–492.
4. Субетто А.И. Открытое письмо ко всем ученым-экономистам России «Быть России в XXI веке или не быть?»/ А.И.Субетто, [Текст]. – СПб.: Астерион, 2006. – 28с.
5. Чекмарев В.В. Просто вышел покурить.../ В.В.Чекмарев, [Текст]// Экономика образования. – 2014. – №1 – С. 163–164
6. Субетто А.И. Разум и Анти-Разум/ А.И.Субетто, [Текст]. – СПб.: Астерион, 2003. – 148 с.
7. Мартин Г.-П. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию/ Г.-П. Мартин, Х.Шуманн, [Текст]/ Пер. с нем. – М.: Издат. Дом «АЛЬПИНА», 2001. – 335с.
8. Субетто, А.И. Революция в системе экономических знаний и в обществоведении на рубеже третьего тысячелетия: состояние и перспективы / А.И. Субетто // Рыноч. эконом.: состояние, перспективы, методологические разработки. – Самара : Междун. ин-т рынка, 1995. – С. 13–21.

9. Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма/ А.И.Субетто, [Текст]. – СПб. – Кострома: Астерион, КГУ им. Н.А.Некрасова, 2011. – 108с.
- 10.Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1956–1967. – Т. 23. – 1960. – 907 с. (с. 192)
- 11.Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1956–1967. – Т. 26. Ч. 1 – 1962. – 476 с. (с. 405)
- 12.Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1979–1982. – Т. 6 : Январь-август, 1902. – 1979. – 620с. (С. 232)